

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ТКАЧЕВСКОЕ

ЖУРНАЛЪ СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

12.

ЧАСТЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

Che chi ha i duo occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА.
Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ Типографіи.
1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ при экземпляра
Москва, Декабря 31 го дня 1832 года.**

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ.

Написать посредственную Историю, дело очень не трудное. Сокращаясь официальные извѣстія, обрѣзують характеры, надѣлаюють сравненій въ родѣ Плутарховыхъ, наспавяють похвальныхъ и непохвальныхъ эпитетовъ; и Исторія готова! Въ Англіи явилось множество такихъ безцѣшныхъ, безжизненныхъ твореній. Это трудъ совершенно механическій, плодъ терпѣнія, а не ума. Можно также писать романическую Историю; Варилась и многіе Французы на то опваживались. Босюють и другіе, подчинивъ факты гипотезамъ, ни на чемъ неоснованнымъ, покорясь

Телеск. Ч. XII. 1 *

религіозной точкѣ зрѣнія, превратили Исторію въ пророчество. Боссюэпъ не былъ человѣкъ съ умомъ слабымъ или ограниченнымъ; но при всемъ томъ ошибся; Нюшонъ не смотря на свой геній, сдѣлалъ ту же ошибку. Онъ также, муча Библию, извлекалъ изъ ней, такъ сказать, таинственную и сокровенную квинт-эссенцію, хотѣлъ вопрошать ее о тайнѣ прошедшаго и будущаго, о планѣ міра, о намѣреніяхъ Творца. Многіе Германскіе авторы, и особливо Гаманнъ, почитали явленія, на еяспрѣ міра происходящія, за великую драму, дѣятелими коей двигаетъ рука Божія: такова же была и мысль Боссюэпа! Сія драма имѣетъ единство, связь, цѣль. О льпотисяхъ міра, говорятъ адепты, можно судить только въ ихъ общности. Исторія одного народа или одной эпохи не имѣетъ никакого достоинства; взаимное отношеніе всѣхъ фактовъ и рядъ всѣхъ эпохъ должны освѣщать другъ друга и открывать намъ предначертаніе Высочайшаго Сущаго. Очень хорошо! Я согласенъ, что такой планъ превосходенъ; исполнивъ оный значило бы совершить трудъ безсмертный. Но къ сожалѣнію, всѣ подобныя покуше-

нія доселѣ представляли намъ не Философію, а Θεологію Исторіи. Авторы начинали смѣлыми гипотезами и продолжали весьма невѣрными выводами. Они создавали эпохи, существовавшія только въ ихъ воображеніи, раскрашивали факты, превращали причины и слѣдствія, приписывали Творцу свои спросы и свои предразсудки. Въспомоги, чтобъ разсматривать Исторію въ Гершелевъ телескопъ, видѣли ее сквозь обманчивую призму, сквозь цѣпныя гошпическія стекла. Вотъ опасность происходящая отъ мистическихъ сочиненій и отъ гипотезъ не имѣющихъ основанія; вотъ несчастіе отважныхъ системъ, коими хотятъ все устроить, все раздѣлить на классы, все привести въ порядокъ. Deus fecit, Linnaeus disposuit: эпохъ гордый девизъ Линнея, принадлежитъ также Кантамъ, Гаманнамъ, Вико! Каждый изъ сихъ философовъ былъ увѣренъ, что проникъ въ самое сокровенное святилище Провидѣнія, видѣлъ подробную картину событій, ихъ причинъ, слѣдствій непосредственныхъ и дальнѣйшихъ. Боскювъ во Франціи издаетъ Исторію по Каполическому плану; иной Раввинъ по Еврейскому; Ирландскій бого-

словъ Миллеръ заставляе ладить съ Протестантскими мнѣніями; Вико доказываетъ, что она шла совсѣмъ другимъ путемъ. Кому изъ нихъ вѣрить? Прочтя всѣхъ, не побуждаешься ли отвергнуться въ скептицизмъ Бейля?

Признаюсь, ни одинъ Историкъ не осуществилъ еще того идеальнаго совершенства, о коемъ мысль рождается при его имени. Большая часть изъ нихъ суевѣрны. Философъ Нибуръ ясно читаетъ въ рукописяхъ, разобранныхъ Анжеломъ Маіо, что съ его эпохи должна начаться истинная Римская Исторія. Вико не менѣе дерзокъ; Боссюэтъ говоритъ какъ пророкъ. Каждый хочетъ въ точности знать всемірное управленіе, Промыслъ движущій свѣтомъ и исторіею? Но это возможно ли? У насъ нѣтъ ни источниковъ, ни способностей для сего великаго дѣла! Задача ли это? Мы не знаемъ посылокъ ея! Драма ли? Мы не знаемъ ея завязки! Мы похожи на людей, кои не видавъ афиши, приходятъ въ театръ, когда уже началось второе дѣйствіе, и которые спрашиваютъ себя: комедія ли это, или трагедія, драма, водевилъ или мелодрама! — Чѣмъ совершеннѣе планъ

драматическій, тѣмъ непонятнѣе отдѣльная сцена; а мы, зрители нѣсколькихъ отдѣльныхъ сценъ, хотимъ опгадать кашаспрофу, хотимъ крипиковашъ зданіе еще не окончанное? Скажите мнѣ философы, которое теперь явленіе, которое дѣйствіе; которой помъ пишешъ теперь шворецъ; который карнизъ, которую колонну оканчивашъ рука его? Не видите ли вы, что корабль, влекущій васъ по невѣдомому морю, построень опъ васъ далеко и что одинъ капишанъ знаешъ, куда онъ несешъ васъ? Такъ переспанъшежъ выдавать себя за повѣренныхъ самаго Бога: ваша Исторія Промысла ешъ романъ; карша, которую вы черпите, химера! Безконечно малое мѣсто, которое вы занимаете въ свѣтѣ, непримѣтная почка на значенная вамъ въ пространствѣ, должны возбранить вамъ сей гордый и глупый образъ мыслей. Вы не знаете, для чего Богъ далъ людямъ различныя должности, различныя образы жизни, состоянія, званія, различныя роды смерши: а думаете въ почности чипашъ Историю, логически предсказывашъ судьбу поколѣній и народовъ; осмѣливаетеся говорить: вопъ почему Богу

угодно было, чтобы Римъ сдѣлался могущественнымъ и чтобы Кароагентъ погибъ !

Но царство, народъ, не что иное какъ сумма людей; постановленія, коими они управляются, нечто иное какъ наружная ихъ оболочка. Дѣйствія человѣческія суть необходимыя орудія, коими рѣшаются всѣ перевороты, опредѣляющія судьбы царствъ. Какъ согласише вы свободу сихъ дѣйствій съ Божескимъ предопредѣленіемъ? Не спрашиваютъ слышать, какъ иные Историки говорятъ намъ, что Богъ позволилъ Османамъ утвердиться въ Константинополѣ для того, чтобы наказать непокорное Христіанство, чтобы не давать ему покоя и содержать его въ полезномъ страхѣ? Какъ! Эдемъ Азіи опданъ племени, назначенному единственно для того, чтобы служить намъ спрашникомъ? Если вѣришь Боссюэшу, поколѣнія, отъ созданія міра шѣсшившія другъ друга, подобно волнамъ морскимъ, только что пролагали намъ дорогу, и языческія добродѣтели Катона, Сципіона, Сцевола, были только тропинкою для нашихъ добродѣтелей! Поиспимъ, что значить употреблять возло терпѣніе чиншителей и

легковѣріе православныхъ; посмѣянiя до-
стоинъ подобный историческій коммен-
тарій, коимъ думаютъ объяснить волю
Всевышняго и сдѣлашь для насъ очевидны-
ми Его намѣренiя. Вообразите себѣ, что
какой либо высшій духъ забавляется, раз-
смащивая шаръ земной и насмѣхаясь надъ
его глупостями: какимъ сумасшествіемъ
покажется ему шцеславіе нашихъ фи-
лософовъ? Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ
родъ, непрерывно выдумываютъ новые
способы объяснить, въ физическомъ и мо-
ральномъ отношеніи, міръ созданный Бо-
гомъ; химеры слѣдуютъ за химерами, пе-
оріи за теоріями. Отъ чего солнце об-
шекаетъ извѣстный и ничѣмъ не прерыва-
емый путь въ небѣ? Оно боится, опъ-
вѣчаютъ древніе Греческіе философы, что
бичи фурій принудятъ его опять воз-
вратиться на предписанный путь! Отъ
чего луна возраспаетъ и убываетъ? Отъ
того, что души еще не родившіяся,
кои Богъ помѣщаетъ въ ней до рожденiя
ихъ, попеременно по наполняютъ ее, по
оставляютъ пустою? Мы сдѣлали сколько
успѣховъ въ физикѣ, что не вѣримъ уже по-
добнымъ глупостямъ, отъ коихъ Ньютонъ

освободилъ насъ. Но нравственное управленіе свѣта еще до сихъ поръ остается игрушкою перваго встрѣчнаго, добычею всякаго смѣлаго теоретика. Не проходишь года, чѣобы новыя грезы, новыя мечты, не увеличивали всеобщей неизвѣстности и массы смѣшныхъ гипотезъ. То оприцають очевидныя факты; то выдумываютъ факты небывалые; существенность объясняютъ преувеличеніемъ, истину ложью. Смѣшно видѣть, какъ всѣ эти умозрители извиняють Бога, толкують Его дѣйствія, подтверждаютъ Его опредѣленія, разбирають, не зная, и превращають, желая сдѣлать понятными.

Не говоритъ ли Садлеръ а), что производительная сила человѣчества постоянно содержится въ равновѣсіи перстомъ Всемогущаго и что число дѣтей, даруемыхъ намъ Богомъ, исключительно зависитъ отъ соразмѣрнаго числа потребителей, живущихъ въ одной области съ нами? Не сообщаютъ ли намъ новѣйшіе Историки со все-

а) Экономистъ Торнъ, Членъ Нижняго Парламента.

возможною подробностію всѣхъ упреки, кои Творецъ дѣлалъ Бонапарту, и всѣхъ причины, побудившія Высочайшій Промыслъ возвращить Бурбонамъ престолъ Французскій? Средніе Вѣки, Крестовые Походы, Реформація, Французская Революція, находятъ, въ сихъ толкователяхъ, пророковъ минувшаго, кои открываютъ намъ, для чего Чингис-Ханъ, Тамерланъ и Аппила, изъ глубины Азіи успремилась на западную Европу. Докторъ Миллеръ, родомъ Ирландецъ и Профессоръ Исторіи въ Армайскомъ Университетѣ, издалъ два тома для доказательства, что Магометанизмъ распространился въ виду Христіанства только для того, чтобъ способствовать дальнѣйшему распространенію Христіанства, чтобы положить ему путь и служить какбы піонеромъ. Эта спрассъ дѣлать изъ Исторіи эпопею или пророчество, эта мнимая проникаемость, которая никогда не хочетъ признавать своихъ ошибокъ, теперь не составляетъ уже исключительной принадлежности нѣсколькихъ богослововъ-фанатиковъ: философы впадаютъ въ ту же погрѣшность. Если послушать историковъ школы Вольперовой, то все, происшедшее въ свѣтъ до XVIII

вѣка , было только приготвлєніємъ сей великой эры просвѣщенія. Тацитъ писалъ , Неронъ царшвовалъ , только для того , чшобъ возвѣспитъ міру прибытіе Рейналя и Дидеро ! Чшо касается до меня , по мнѣнію моему , системашически ироническая Исторія , созданная Паптріархомъ Фернейскимъ , споль же далека отъ истины , какъ Исторія Наполеическая , коей планъ начертанъ Боссюэшомъ. Но назовите мнѣ хотя одну совершенную Историю ! Я повтораю — нельзя не усумнитъся въ ея возможности ! Самые слабые умы уклонялись отъ сего идеальнаго совершенства , или пошому чшо воображеніе ихъ превозмогало умъ , или пошому чшо превозмогающій умъ вводилъ ихъ въ заблужденіе. Всѣ они, или, какъ плохіе живописцы , разцвѣчали слишкомъ яркимъ колоритомъ , или , какъ дерзкіе романисты , покоряли своей системою факты ими представляемые. Краткій разборъ убѣдитъ насъ въ истинѣ сихъ обвиненій.

Продотъ, историкъ-романистъ , пріятный рассказчикъ , спарець съ дѣтскою душою , повѣспвуетъ удачно и пріятно

раскрашиваетъ свои повѣствованія; слогъ его пещетъ, одушевленный прелестною опкровенностію: невинная протрѣпа плѣняетъ чипашеля; чудесные рассказы окружены волшебными видѣніями *Тысячи и Одной Ноги*; его дѣтское легковѣріе въ тысячу разъ занимательнѣе анализовъ Гиббона и Юма... Но историкъ ли онъ? Нѣтъ! Поэтическая полупѣна, таинственный сумракъ, носился, подобно легкой пеленѣ, надъ событіями, о коихъ онъ повѣствуетъ. За ея волнующимися стѣбами невидно испилены исторической. Вымыслы смѣшиваются съ естественностью; естественность шеряется въ вымыслахъ; неоспоримые факты оцѣвчаются драматическимъ колоритомъ. Мы знаемъ, что Ксерксъ хотѣлъ покорить Грецію, что была битва при Платеѣ: вотъ и все! Думаешь научишься Исторіи у Иродота значишь тоже, что спрашивать у Шекспира почтѣйшихъ подробностей Англійской Исторіи. И Шекспиръ говоритъ намъ, что Англичане сдѣлали вторженіе во Францію, что поля Азинкурскія были покрыты шрупами, что Конешабль, Дофинъ, Кембриджъ и Эксеперь были важные люди. Но разговоры его героевъ, ихъ сло-

ва и дѣйствія , описанныя драматическимъ поэмомъ , кажутся не болѣе принадлежащими Исторіи , какъ рѣчи Мардонія и Аршабана , тайныя бесѣды Аспіага съ Арпагомъ , оповѣсть Гелона и разговоръ Гигеса съ Кандауломъ.

Человѣкъ добродушный , одаренный живымъ воображеніемъ , Иродотъ любитъ драматизировать свой рассказъ: онъ преувеличиваетъ , не имѣя намѣренія лгать; онъ охотникъ до чудеснаго , какъ всѣ простолюдины и дѣши. Вы находите безпрестанно въ его повѣствованіи : *„говоритъ онъ или говоритъ она“* — слова , украшающія разговоры нашихъ приврапницъ и лакеевъ. Онъ писалъ для народа арписховъ , а не для народа философовъ и кришиковъ. Въ то время анализъ въ Греціи сдѣлалъ споль же мало успѣховъ , сколь много сдѣлали скульптура и живопись; книги были рѣдки; за нѣсколько лѣтъ до Иродота совсѣмъ не было лѣтописей , кромѣ мнемоническихъ списховъ; историкъ смѣшивался съ бардомъ; оба прибѣгали къ самымъ сомнительнымъ преданіямъ , къ народнымъ пѣснямъ , недостоиннымъ нималѣйшаго вѣроя-

тія; оба вѣрили чудесамъ и не подвергали никакому сомнѣнію того, о чемъ лгали имъ путешественники. Не прошло еще вѣка, какъ Европа имѣла столь же смѣшныя свѣденія о сословіи Кипія и о нравахъ Королевства Бенпамскаго, какъ извѣстія Иродотовы о Вавилонѣ и Персеполи; свѣденія сіи, коими не будучь хвастаться старыя няньки, служили основаніями для теорій академиковъ. Вольшеръ и Рейналь подпирали сими спранными докуменстами свои системы; и публика не затруднялась вѣрить имъ!

Сверхъ того народъ, для котораго Иродотъ писалъ, столь же легковѣрный, столь же жадный до новостей, столь же любящій все чудесное, новое и поразительное, какъ онъ самъ, не только не обуздывалъ, но ободрялъ сіи порывы пылкаго воображенія, составлявшіе характеръ его таланта. Исторія его была рѣчь, поэма, пѣснь народная, которую вся Греція должна была слушать изъ устъ автора на Олимпійскихъ Играхъ. Какихъ цитають, какихъ подтвержденій, какой крипики можно было требовать отъ подобнаго Историка? Онъ

хочетъ произвесъть только мгновенный эффектъ ; полагается на занимательность своего предмета , на яркость картинъ , на красоты гармоническаго слога , на впечатлѣнія , которыя онъ произведетъ. Взоры его облекаютъ сію безчисленную толпу людей, гордящихся именемъ Грековъ, пришедшихъ изъ степей Ливійскихъ , изъ новыхъ Италіянскихъ колоній , изъ дикихъ пустынь Дориды , зрѣтъ торжество своего опечеснѣва и торжество Иродота. Отъ такихъ слушателей и отъ такого писателя не ожидайте подробнаго и скептическаго анализа фактовъ ; но блестящаго сбора всѣхъ чудесъ , коими наполнены Арабскія сказки. Иродотъ говоритъ намъ о дикихъ невѣдомыхъ живошныхъ , о чудесныхъ деревьяхъ , о баснословныхъ пшпцахъ , о народахъ людоедахъ , о великанахъ и карлахъ , о варварскихъ божествахъ , о древнихъ династіяхъ , коихъ памятники величествомъ превосходятъ всѣ памятники новѣйшіе , о городахъ , кои обширнѣе цѣлыхъ областей , объ озерахъ величиною съ океанъ , объ укрѣпленіяхъ подпирających небо , о пирамидахъ , на коихъ рука мудрецовъ начершала тайны юно-

опи міра. Онъ описываетъ намъ, какое таинственное богослуженіе отправляли Маги, при утренняя зарѣ, на высотахъ горъ своихъ; какъ древнія предсказанія сбывались; какъ небесное правосудіе, долго дремавшее съ громомъ своимъ, наконецъ пробуждалось; какъ громно мерзавцы предостерегаемы живыхъ; и какими высокими предопредѣленіемъ, попомки героев, избѣжавъ меча убійцы, возвращались къ своимъ семействамъ, исполняли благородныя свои назначенія.

Эти романтическіе источники изобрѣшенія наполняютъ опраицы Иродота. Чѣмъ болѣе повѣствованіе его приближается ко времени, въ которое онъ жилъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ занимательность; и пусть онъ рассказываетъ также о чудесахъ, но уже другаго рода. Дѣло идетъ о сей великой борьбѣ Европы съ Азіей, сей точной отправленія Европейскаго владычя, о семъ возвышающемъ душу воспоминаніи, о семъ великомъ урокѣ данномъ міру. Съ одной стороны исполинскія прихоти безпредѣльнаго могущества и деспотизма, съ другой чудесныя усилія свободы и добродѣтели. Мо-

Телеск. Ч. XII.

2

жизнь и была драма болѣе драгоцѣнная, поѣтъ болѣе поразительная! Иродотъ и здѣсь даетъ картинѣ своей колоритъ, на роднаго преувеличенія. Тушь рѣки, высушенныя въ одинъ день; усмирившій океанъ, дающій дорогу несмѣшному воинству; облавы доведенныя до голода однимъ обѣдомъ вояковъ Азіатскихъ; скалы, изрубленныя сидрами и распадающіяся предъ кораблями царя царей! — Республикы и монархіи сокрушаются и исчезаютъ. Нѣсколько гражданъ-героевъ, еще не падшихъ, надъ прахомъ родныхъ пенелищъ, пропиваясь, воюютъ и побѣждаютъ. Немецъ и рѣкъ и бѣги и люди въ заговорѣ пропивъ михъ. Не они не ослабѣваютъ и — Греція спасена!

Ахъ! какія чувствованія должны были проникнуть слушателей, при такомъ разсказѣ! Какой энтузіазмъ долженъ былъ одушевлять ихъ! Можно ли было подобное дѣяніе сдѣлать хладнокровно и критикованно, какъ обыкновенную Испорію? Можно ли было дать подлежащую цѣну сей великой одѣ и сей баснословной древней испоріи, была только пролюдіей и жоей главною мыслию и фильмо были апоэеръ Греція?

Итакъ приведемъ къ настоящей мѣрѣ удивительный памятникъ, зачатый намъ. Оцѣмъ Исторіи: швореніе его есть прекрасный романъ, написанный въ прозѣ. Протекли годы; кончилась война Пелопонесская; образованность Греческая увеличила силу свою; родилась Аѳинская демократія; кризиса и несогласіе завладѣли общественными дѣлами; образовался новый слогъ. Фукидидъ есть выраженіе его.

Фукидидъ не совершеннѣе Иродота. Конечно у него нѣтъ уже ребяческаго и прелестнаго болтанья его предшественника; онъ умсшвуетъ, дѣлаетъ изслѣдованія, судитъ и систематизируетъ; но мысли его часто ложны, виды тѣсны, доказательства неполны; и если васъ не предубѣждаетъ почтенный видъ дилеммъ и удареній Греческихъ, то вы найдете много заблужденій и ошибокъ на самыхъ краснорѣчивыхъ его страницахъ. Онъ всегда важенъ, крапокъ и серьезенъ. Суровая задушевность, взглядъ государственнаго челоука, философическое презрѣніе народныхъ предразсудковъ и общепринятыхъ мнѣній, налагающъ особенную, величественную печать

часть на его шворение. Онъ искусно повтѣснуетъ; никто не умѣетъ подобно ему располагать планы свои, отбросить въ глубину картины маловажныя обстоятельство, поставить лица въ надлежащія положенія, сохранить во всѣхъ фактахъ, во всѣхъ эпізодахъ, должную перспективу. Иродотъ, подобно Кинэйскимъ живописцамъ, даетъ всему, что воспроизводитъ, равное достоинство, равную мѣру; описаніе Египетскаго идола занимаетъ у него столько же мѣста, какъ и бытъ при Платонѣ. Фукидидъ есть величайшій Историкъ касательно расположенія матеріаловъ и классификаціи событій.

И это есть настоящая тайна историческаго гения. Передавать событія, списывать рѣчи, вести рѣчь обстоятельствъ, даже съ самою отчетливою вѣрностію, не значить еще ничего. Эта минималъ точность никогда не достигнеть своей цѣли. Вы помѣщаете въ свои лѣтописи все, что вамъ извѣстно; но сколько еще остается неизвѣстнаго для васъ, сколько подробностей отъ васъ ускользаетъ? Въ семъ отношеніи вѣрная Исторія совер-

шенно не возможна; оно значило бы такое, что старались въ точности скопировать все жилки и поры образца, съ котораго мы рисуемъ. Хотя Вандикъ и Томасъ Лаврансъ вооружались микроскопомъ, дабы увеличить мелочное сходство своихъ портретовъ, но такого рода эскизы наконецъ отдавались бы ложью; другой микроскопъ, увеличивающій сильно, доказалъ бы непрочность сходства, по видимому, столь совершенно даже въ мелочахъ. Такой недоспащокъ живописцевъ и плетъ; кои хотѣли подражать имъ. Думая сказать все, они осмѣиваются за собой огромную массу забытыхъ фактовъ. Талантъ живописца, равно какъ Историка, имѣеть двоякое: и талантъ выбора: иначе доскональность была имѣть матеріальное покусство и механическое перенесеніе, чтобы сказать паразитъ съ Рейнгольдсомъ и Тиціаномъ, съ Букидидомъ и Тацитомъ.

И такъ историкъ и живописецъ должны уловлять главные характеристическія черты своего образца. И поэтъ и другой могутъ стараться достигнуть истины, только относительной, соразмѣрной. Букидидъ на-

кажется вамъ Исторію отступленія отъ Сиракузъ; Ваядыкъ представитъ предъ глазами Лорда Оспрафорда: обманъ чувствъ будущаго совершенный; вамъ покажется, что вы видите предъ собой храбрыхъ воиновъ, вписывавшихъ перьями, и раздвигавшихъ ихъ сраженіямъ; вамъ покажется, что взоръ государственнаго человека, въ картинахъ послѣдняго, остановился на васъ и хочется проникнуть вамъ въ душу, что пресмысленная улыбка и лобъ, наморщенный заботами честолюбія и политики, открываютъ вамъ исторію его жизни и смерти.

Она сила и вѣрность взгляда, не упускающаго ничего важнаго, не останавливающагося на чемъ маловажномъ, составляющія характеръ Исторіи Фукидыда. Въ ней замѣтитъ только одинъ недостатокъ — соразмѣренность. Она заняла у Иродота еще безконечныя рѣчи, произносимыя главными дѣйствующими лицами, безпрестанно прерывающія повѣствованіе и примѣшивающія къ истинѣ разсказа лозы риторикки. Въ Иродотѣ не кажется странною эта романическая и театральная манера, выступавшая героевъ на сцену. У него видите вы, что царей и пашукъ, дружелюбно бесѣдующихъ между собою, что сенапоровъ и полковод-

двигавшаяся за 500 лѣтъ до Рождества Христова. Фукидидъ — бѣденъ общими взглядами, или умствуваетъ, основываясь на логикѣ началахъ: смѣшанный и разсудительный, но одаренный взглядомъ болѣе проницательнымъ нежели обширнымъ, онъ чрезвычайно хорошо обсуживаетъ опидиктивные факты, но никогда не возвышается до разсмаприванія отношеній и связей между ними существующихъ. Довольно любопытенъ его умъ, коего глубина и сила не въ состояніи обнять обширнаго горизонта.

У Фукидиды нѣтъ общихъ взглядовъ, столь обыкновенныхъ въ Робертсонѣ и Гиббонѣ. Проницательность, его отличающая, есть совершенно практическая. Воспитанный въ школѣ полишниковъ своей страны и своего времени, онъ предугадываетъ, предвидитъ, искусно изыскиваетъ побудительныя причины какого либо дѣйствія и сокровенныя пружины какою либо характера. Но онъ не любитъ отвлеченностей, и общія замѣчанія его поверхностны. Онъ родился въ республикѣ, перзаемой парціями, раздѣленной на двѣ враждебныя массы: богатыхъ, всор-

да ропотныхъ угнетенныхъ бѣдныхъ, и бѣдныхъ, всегда гонимыхъ грабить богатыхъ. Среди безпрестанныхъ заговоровъ, интригъ, революцій и контр-революцій, надлежало жить для насмѣивающаго, наблюдать обстоятельства, доводило и искусствомъ править. Случай, приговаряться, какъ Мазаринь, быть смѣлымъ, какъ Ришелье, обманывать, какъ Вальполь, предвидѣть послѣдствія, какъ Талейранъ и Шефсбѣри. Какъ же можно было положить твердыя начала и устроить философическую систему, при столь быстрыхъ колебаніяхъ, на землѣ столь зыбучей и прыской? Эта практическая доводность суживаетъ, сплгиваетъ умъ; не только опущаетъ его отъ привычки возводить все къ единству, но и дѣлаетъ совсемъ къ тому неспособнымъ. Такъ дикой, для коего Европейская тактика непонятна, выдумываетъ удивительныя воинскія хитрости и разстроиваетъ тѣмъ стратегію своего непріятеля. Ни одинъ классъ людей не достигъ такой степени смелости, доводности и оспорожности, какъ модонтикемъ нашихъ большихъ городовъ. Женщины, кои поняли никогда не могутъ приходить къ общности своихъ мыслей, обык-

новенно хитрые мужчины; ихъ интрига
лучше оплешены, замыслы искусны. Въ
свѣтъ оплешеніи адвокаты всегда презы-
дентъ полипика, а полипикъ епископъ;
Адамъ Смитъ или Жанъ-Жакъ Руссо бы-
ли бы побѣждены Вальполемъ; а Вальполъ
обманулъ бы его камердинеръ, Скамонъ или
Фигаро въ джиретъ.

Итакъ мудрость Фукидида есть му-
дрость, ограниченная самою своею утончен-
ностію и глубиною. Онъ мало говоритъ
объ организаціи войскъ, о происхожденіи и
развиціи парцій, о взаимныхъ отношені-
яхъ, существовавшихъ между Греческими
республиками. Онъ едва касается всѣхъ сихъ
важныхъ вопросовъ; даже когда предла-
гаетъ намъ какіе либо драгоценные доку-
менты, то они слишкомъ ограничены. Это
иногда, сдѣланный искуснымъ ариеметикомъ,
а не оплешенная формула, выведенная ал-
гебраистомъ; счетъ ариеметика годился
только для одного случая; формулу мож-
но прилагать къ тысячѣ фактовъ.

Но умственное образованіе Грековъ
того времени не позволяло имъ возвы-
шаться до сихъ общихъ результатовъ.

Мотина Грековъ, болѣе блестящая нежели основательная, болѣе скорая нежели твердая въ ходъ своемъ, показалась бы мнѣ громадою софизмовъ и илюкостей. Читайте разговоры Платона: вы удивитесь этой шакликѣ дзыка, этой ловкости опракапы удары, этой живописи въ движеніяхъ ума; но пицешно будете желать въ нихъ удовлетворительнаго рѣшенія. Сократъ пускаетъ своего противника; вы рукоплещете торжеству его: но какая мотина завоевана, когда Горгій или Менератъ припершы между двумя рогами дилеммы? къ какому рѣшенію приводить это тасъ? Я вижу прочей; но не вижу завоеванія: вижу двухъ масперовъ драпъся въ схваткѣ; но не понимаю, къ чему можете быть полезны шаланшъ ихъ. Они употребляютъ всѣ средства, предлагаемы въ риторикѣ: софизмы, ложные выводы, деламацию, метафоры болѣе замысловатыя нежели убѣдительныя, полуиспикны и недоказанныя аксіомы. Жизнь Афинянъ протекала на площади, а по сей причинѣ всѣ разсужденія ихъ были словесныя; у нихъ не были предписаны нтъ опротія правила спора, кои свойственны только письменной рѣчи; надлежало ослѣ-

писать и сблизить съ пути своего противника, поразить удивленіемъ судью, разоривши развѣшанную публичку. Книго спалъ бы возносился до общихъ началъ, искалъ опьяненныхъ испитъ, пошъ не доспитъ бы своей цѣли.

Но Фукидидъ, писатель съ высокимъ краснорѣчіемъ, съ яркимъ энергическимъ разсказомъ, есть первый изъ Греческихъ Историковъ. Онъ далеко оставилъ за собою Ксенофонта, коего достоинство преувеличено школьнымъ предубѣжденіемъ. Слогъ Ксенофонта чистъ, способъ выражающійся пріятенъ и легокъ; но можно сказать, что писать свои сочиненія, онъ хотѣлъ давая уроки людямъ и превращая Исторію въ мораль. Какъ ни велико наизощреніе вкуса, его ослѣпляетъ, и хотѣ не лѣзя отказавъ ему въ чувствъ пріятности и гармоніи языка, но у него недостаетъ силы ума. Можно съ удовольствіемъ прочесть его *Отступленіе Десяти Тысячъ* и *Исторію Дѣлъ Греческихъ*. Но это чтеніе ни сколько не увеличитъ суммы знаній, не осязаетъ идей, не придастъ силы уму. Это взрослый ребенокъ, воспитанный Сократомъ, нѣсколько просвѣщенный, впрочемъ доб-

рый, но коего ограниченный умъ и слабая душа налагають и на талантъ его печать какого-то замѣтнаго безсилія и вялости. Видно, что Сократъ берегъ свои возвышеннѣйшія понятія и важнѣйшія истины для другихъ учениковъ, болѣе достойныхъ понимать оныя: робкій и тихій Ксенофонъ долженъ былъ довольствоваться нѣсколькими легкими аксіомами, нѣсколькими начальными основаніями. Сдѣлавшись цопомъ вождемъ наемныхъ войскъ, онъ даже не испыталъ на себѣ вліянія сей опасной и вмѣстѣ любопытной жизни: онъ оспался тѣмъ же, что былъ прежде: добродѣтельнымъ по темпераменту и привычкѣ, родомъ Греческаго квакера, вѣрующимъ въ пророчества и волшебства, безпокойнымъ отъ работы, фанатикомъ безъ жара, преданнымъ народному суевѣрію, по аристократомъ по природѣ и по необходимости. Ребячества Иродотовы занимательны: онъ показывають опкровенность и энергію, свойственныя дѣтству. Но не лзя не почувствовать презрѣнія къ ребячествамъ Ксенофонта, признакамъ нравственной дряхлости и безсилія. *Жизнь Кира*, написанная Ксенофонтомъ, есть одно изъ худшихъ сочине-

ній, какія когда либо являлись на оутѣхъ, романъ ли это или исторія — чтобы ни было — но этого вымысла, выставляемый за существованность, одна проповѣдь, скрывающая въ стѣбахъ сомнительнаго повѣствованія, кажется, оскорбляютъ вѣсть и разсудокъ и вкусъ и истину.

Полибій и *Аррианъ* оставили намъ вѣрное описаніе важныхъ происшествій; но одна только точность составляетъ все достоинство сихъ неискусныхъ повѣствователей, сихъ недалководныхъ, близорукыхъ философовъ. Они не были люди съ высокимъ и обширнымъ умомъ, рожденные для того, чтобы все объять и воспроизвести. *Квинтъ-Курцій* и *Титъ-Ливій*, Историки менѣе совѣстные, но писатели болѣе блестящіе, знавшіе лучше искусство слога и опшѣнки языка, совершенно затмили ихъ собою.

(окончаніе слѣдуетъ.)

—***—

ніе, которое почти всегда не различно съ
 сими минувшими, столь полными вдохнове-
 нія, возвышаетъ ихъ прелестъ для худож-
 никовъ, живописцевъ и ваятелей. Тогда
 они углубляются, и не могли работать,
 спавъ передъ своими произведеніями
 и упиваясь созерцаніемъ оныхъ. Кто
 съ другомъ не мечталъ во время сихъ поэ-
 тическихъ сновъ, тотъ трудно пойметъ
 несказанныя прелести сего времени. Помо-
 щію свѣтлості, всѣ художественныя
 хитрости, употребляемыя чѣмъ прибли-
 зиться къ реальному въ жизни, исчеза-
 ютъ: тогда тѣнь дѣлается тѣнью, свѣтъ
 есть свѣтъ, плоть получаетъ жизнь,
 глаза сверкаютъ, въ жилахъ бѣжитъ кровь,
 бархатъ и шелкъ имѣютъ опливъ. Вообра-
 женіе чудесно помогаетъ естественному
 эффекту во всякой подробности: оно видитъ
 однѣ красоты произведенія и, если это
 картина, то кажется, лица и ходятъ и
 говорятъ.

Въ эту часть очарованіе деспотически
 царствуетъ; оно возстаетъ вмѣстѣ съ
 ночью; и не есть ли оно для нашего ума родъ
 ночи, въ которую мы охотно вѣримъ? —
 Въ сей часть очарованіе окриляется, оно
 уноситъ душу въ міръ фантазій, въ міръ

обильный роскошными причудами, гдѣ художникъ такъ пріятно забываетъ міръ существенный, прошедшее, будущее и — даже своихъ кредиторовъ.

Въ сей магической часъ, молодой живописецъ, художникъ съ паланомъ, вѣдшій въ искусствѣ одно искусство, взлѣзъ на двойную лѣстницу, съ которой онъ обыкновенно писалъ большую и высокую картину, уже богашую красками. Тупъ, себя и порицая и выхваляя по совѣсти, предаваясь ходу своихъ мыслей, онъ забылся въ одномъ изъ пѣхъ мечтаній, которые возносятъ душу, ласкаютъ и утѣшаютъ. Это забвеніе вѣроятно было продолжительное: ночь настала; и онъ, захопѣвъ ли сойши съ лѣстницы или сдѣлавши неосторожное движеніе въ той мысли, что онъ на полу, упалъ. Ударившись головой объ шабурепъ, онъ потерялъ чувство и оспался безъ движенія въ продолженіе неизвѣстнаго ему времени.

Пріятный голосъ пробудилъ его отъ обморока, и когда онъ открылъ глаза, яркій блескъ свѣчи заспавилъ его ихъ опять закрыть. Тогда, сквозь полу-сонъ своихъ чувствъ, онъ услыхалъ шопотъ двухъ женщинъ и почувствовалъ прикосновеніе моло-

дыхъ и робкихъ рукъ, на коихъ покоилась его голова. Наконецъ, пришедши въ себя, онъ увидалъ, при освѣщеніи старинной лампы, такъ называемой *à double courant d'air*, такую прелестную дѣвичью голову, какой онъ никогда не видывалъ, голову, которую на полотнѣ могли бы называть капризомъ кисти, но которая путь осуществляла для него всѣ теоріи его идеала; ибо извѣстно, что каждый художникъ имѣетъ свой идеалъ и — отсюда талантъ его.

Лице незнакомой походило на нѣжный и граціозный щипъ школы Прюдона и носило печать той тантаспической поэзіи, въ какую Жироде облакалъ свои фигуры. Свѣжесть чела, правильность бровей, чистота очерковъ и дѣвственность, напечатлѣнная на всѣхъ чертахъ ея физиономіи, образовывали въ сей дѣвѣ окончанное твореніе. Ея станъ былъ гибокъ и плонокъ; ея формы — воздушны; одежда простая и опрятная, не обозначала ни богатства ни бѣдности.

Пришедъ въ себя, молодой художникъ бросилъ взглядъ изумленія и прошепталъ неясное благодарственное слово. Онъ почувствовалъ крѣпкую повязку на лбу и сильный запахъ спирта, съ помощію коего

привели его въ себя. Наконецъ замѣшилъ спарую женщину, похожую на Маркизь прежняго времени, кошора, держа лампу, давала совѣщны молодой дѣвѣ.

— „Машушка и я“ — отвѣчала сія послѣдняя на одинъ изъ вопросовъ, сдѣланныхъ живописцемъ, еще въ безпорядкѣ его мыслей — „машушка и я, мы услышали шумъ отъ вашего упада. Потомъ намъ послышался стонъ, все утихло . . . и мы поспѣшили на верхъ. . . Ключъ былъ у двери, мы къ счастію опважились войти, ибо васъ увидали на полу, безъ движенія, и въ первую минушу за васъ очень испугались . . . Машушка принесла примочку и спиртъ. . . вы ранены въ лобъ . . . вошъ шущъ . . . чувствуете ли вы?“

„Да, шеперь я чувшвую“, . . . сказалъ онъ.

— О это бездѣлица. . . возразила спаруха. Къ счастію, головой вы ударились о болванъ.

„Мнѣ гораздо лучше,“ отвѣчалъ живописецъ: „шеперь бы карешу, чшобъ возвратишся домой. Приврашница найметъ мнѣ ее.“ . . .

Онъ хотѣлъ опять благодарить двухъ незнакомыхъ ; но при каждомъ словѣ , спаруха его прерывала , говоря :

— Завтра велите себѣ прислать пѣявокъ или кровь кинуть. Да выпейте нѣсколько чашекъ . . .

Молодая дѣвушка молчала. Она украдкой смотрѣла по на живописца , по на карпины масперской ; но ея взоры и ея манеры были совершенно скромны ; любопытство походило на разсѣянность , и глаза выражали участіе , которое женщины , какъ по невольнo и прекрасно , принимающъ во всякомъ несчастіи нашемъ .

Казалось , незнакомки забыли карпины художника , видя его самого спраждающаго ; но послѣ , увѣрившись , что онъ не былъ опасно раненъ , вышли , глядя на него съ нѣжною заботливостію , но въ границахъ приличія , безъ нескромныхъ вопросовъ , безъ спаранія внушить ему любопытство узнать о ихъ имени. Въ нихъ обнаруживалось безпритворство , вкусъ , благородное и простое обхожденіе : все это сначала произвело мало дѣйствія на живописца , но послѣ онъ живо сталъ вопрошать свою разсѣянную память о слѣдующихъ подробностяхъ сей сцены .

Сходя въ эшажъ, надъ которымъ находилась смайерская живописца, спаруха тихо вскрикнула: Аделанда! шы двери не заперла.

„Это чпобъ мнѣ помочь!“ отвѣчалъ живописецъ, улыбаясь въ знакъ благодарности.

— „Мапушка! вы сейчасъ сходили съ лѣспницы!“ сказала дочь, покраснѣвши.

— Хопите, мы васъ проведемъ до низу? сиросида мапъ у живописца... Лѣспница такъ темна!

„Благодарю! мнѣ теперь лучше.

— Держишесь за перилы.

И обѣ женщины свѣпили сверху молодому челоуѣку, прислушиваясь къ шуму его шаговъ.

Чпобы объяснить, какую неожиданность и какой инпересъ имѣла эта сцена для живописца, надо сказать, что только съ немногихъ дней онъ помѣстилъ свою масперскую въ углу сего дома, поспроеннаго на самомъ темномъ, шѣсномъ и грязномъ мѣстѣ Сюренской улицы, прошивъ церкви Св. Маріи Магдалины, въ двухъ шагахъ отъ его жилища, находившагося на улицѣ Элисейскихъ Полей.

Талантъ и слава сдѣлали его однимъ изъ любимѣйшихъ художниковъ Франціи, и онъ

уже не зналъ нужды, хопя еще наслаждался, по его выраженію, остатками своей бѣдности. . . Уже не нанимая масперской у какой-нибудь заставы, что прежде, по дешевизнѣ цѣны, согласовалось съ его имущесствомъ и именемъ, онъ могъ поселиться въ выгоднѣйшемъ мѣстѣ и избавить себя отъ ежедневной длинной ходьбы и потерь дорогаго времени.

Юлій Шиннеръ вѣрно бы возбудилъ во всѣхъ большое участіе, еслибъ не былъ скрытенъ, особенно на тайны своей жизни.

Его обожала бѣдная мать, воспитавъ его въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Дѣвица Шиннеръ, дочь Эльзаскаго опкушника, никогда не была за мужемъ. Ее обольстилъ безжалостно одинъ богачъ, какъ видно несовѣстливый въ дѣлахъ любви! Тотъ день, когда юная дѣва въ полномъ блескѣ своей красоты, въ полномъ цвѣтѣ своей жизни, пожертвовавъ сердцемъ и прекраснѣйшими мечтами, почувствовала по разочарованіе, которое такъ медленно и такъ скоро настигаетъ насъ, всегда поздно примѣчающихъ бѣду, тотъ день былъ для ней цѣлымъ вѣкомъ размышленій, днемъ религіозныхъ мыслей и твердой рѣшимости. Она отвергла мило-

стыню своего обольстителя; отказалась отъ свѣта и на проступокъ вымѣняла себѣ славу. Совершенно предавшись любви материнской, за всѣ покинутыя общественныя наслажденія, она искала однихъ тайныхъ прелестей жизни спокойной и одинокой. . .

Она жила своими трудами, собирая себѣ сокровище въ сынѣ. За то послѣ, одинъ день, одинъ часъ, вознаградила ее за всѣ продолжительныя пожертвованія. На послѣдней выставкѣ Юлій Шиннеръ получилъ орденъ Почетнаго Легіона; и журналы единогласно, искренними хвалами, возвышали талантъ, до тѣхъ поръ бывший въ неизвѣстности. Самые художники признавали вполне достоинство Шиннера, и его картины мѣнялись на кучи золота.

Пріявши отъ матери женскую душу, удивительную нѣжность въ органахъ и сердце, обогащенное чувствами, онъ, двадцати пяти лѣтъ, понималъ свое положеніе въ свѣтѣ. Желая возвратить матери всѣ наслажденія, которыхъ общество ее такъ долго лишало, онъ для ней лишь жилъ, надѣясь съ помощію славы и состоянія когда нибудь увидѣть ее счастли-

вою, почипаемою, и въ кругу людей знаменитыхъ.

Ишакъ Шиннеръ избралъ въ друзья людей самыхъ честныхъ и достойныхъ. Онъ былъ спрогъ въ выборъ знакомыхъ и хотѣлъ себя возвысить въ свѣтѣ, споя уже пакъ высоко своимъ палантомъ. Поспоянные пруды, копорымъ онъ себя посвятилъ съ мѡлоду, не оспавляли его въ тѣхъ прекрасныхъ повѣрѣннхъ, копорыми украшается начало нашей жизни, и принуждали его къ уединенію, къ сему источнику великихъ мыслей. Юной душѣ его не были неизвѣсны спыдливыя чувспва, образующія въ молодомъ челоувѣкъ существо особенное, въ сердцѣ коего живутъ радости, поэзія, дѣвспвенныя надежды, слабыя въ глазахъ людей разочарованныхъ, но глубокія по простотѣ своей. Его обращеніе, нѣжное и благородное, пакъ гармонически опвѣчало душѣ его, что прельщало и тѣхъ, копорые вообще его не понимаютъ. Онъ былъ спройнато спана, скромной наружности; имѣлъ голосъ металлически звонкой. Видъ его увлекалъ всякаго какимъ-то нравспвеннымъ припяхеніемъ, къ счастію доселѣ еще не объясненномъ учеными; они навѣрно

нашли бы въ немъ явленіе гальванизма или дѣйствіе какой нибудь эфирной жидкости, такъ какъ рады всегда мѣряшь наши чувствованія количествомъ кислорода и электричества.

Сіи подробности объясняютъ, можете быть, людямъ смѣлаго характера и въ модныхъ галстукахъ, почему Юлій Шиннеръ, въ то время какъ приврашникъ ходилъ за каретой на самый конецъ улицы Св. Магдалины, не разпросилъ у приврашницы о двухъ особахъ, показавшихъ ему свое доброе сердце. Но хотя онъ опривиспо, одними да и нѣтъ, отвѣчалъ на вопросы, предложенные ему япой женщиной на счетъ его приключенія и на счетъ учливой помощи жильцевъ чепверстаго этажа; однако не могъ избавишься отъ болтливости, свойственной всѣмъ приврашникамъ: женщина заговорила съ нимъ о двухъ незнакомкахъ сообразно съ своею полипикой и съ своими видами.

— А! сказала она, это вѣрно Дѣвица Лесеньеръ и мать ея! Вообразите, онъ здѣсь живутъ уже четыре года, и мы не знаемъ зачѣмъ. Упрямъ, только до полудня, имъ служить спарая работница; едва, едва слышишь и не слышишь слова какъ спѣна; ве-

черомъ прїѣзжаютъ двое, шрое старыхъ господъ съ орденомъ, какъ у васъ, сударь... У одного изъ нихъ карета, лакеи, и въ сосѣдствѣ слышно, онъ имѣетъ до пятидесяти тысячъ ливровъ дохода; эти господа часто у ней и очень запаздываютъ. Впрочемъ онъ такіе смиренные, какъ вы, сударь; да ужь какъ экономно и живутъ-то... почти ничѣмъ... а какъ письмо съ почты придетъ, шуть же плачутъ. — Знаете ли какое чудо, сударь, вѣдь у матери и у дочери разныя фамиліи... А ужь когда на гулянье въ Тюльери отправляются, барышня вѣдь какъ разодѣта, и всякой разъ за нею куча молодыхъ людей, копорымъ всегда дверь хлопнетъ подъ носъ. Да и какъ же? хозяинъ бы не позволилъ...

Карета прїѣхала и Юлій не дослушавъ, возвратился домой. Его мать, узнавъ о случившемся, снова обвязала ему голову и не позволила на другой день идти въ мастерскую. Призвали медика, сдѣлали соѣщаніе, предписали какія-то лѣкарства, и Юлій два дня оставался дома.

Во время сего принужденнаго заключенія, досужее воображеніе художника напоминало ему живо, и шакъ сказашъ въ опривкахъ, всѣ подробности сѣны, случившейся послѣ

его обморока. Профиль молодой дѣвушки мелькалъ передъ нимъ, какъ видѣніе; попомъ онъ узнавалъ печальное лицо матери, или чувствовалъ прикосновеніе нѣжныхъ рукъ Аделаиды; попомъ представлялись ему — по движеніе, которое сначала его не поразило, но казалось теперь исполненнымъ граціи, по положеніе, по звуки музыкальнаго голоса . . . и воспоминаніемъ украшались всѣ малѣйшіе оцѣтки сего эпизода.

Посему-то, черезъ два дня, рано пришелъ онъ въ масперскую, не столько поропясь къ начатымъ карпинамъ, сколько горя неперпѣніемъ опадать визитъ своимъ сосѣдкамъ.

Минуша, когда спрашивъ вырывается изъ своихъ пелень, имѣетъ нескѣзанные прелести; тѣ, кои любилась, понимаютъ ихъ, и имъ не нужно объяснять, почему живописецъ тихо взбирался къ четвертому этажу, почему сердце его забилося весьма часто, когда увидѣлъ онъ темную дверь скромнаго жилища Гжи Лесеньеръ.

Сія дѣвица, не носившая имени своей матери, пробудила нму сочувствій въ душѣ молодаго живописца. Желая найти въ ней какое-нибудь сходство съ собою въ положеніи, онъ думалъ, что она также, какъ

онъ, несчастно рождена. Во время работы, онъ предавался съ наслажденіемъ своимъ любовнымъ мыслямъ и иногда шумѣлъ нарочно, чѣмъ принудить сосѣдокъ заняться имъ, какъ онъ занимался ими. Долго пробылъ онъ въ масперской, опробѣдалъ и около семи часовъ пошелъ къ своимъ сосѣдкамъ.

Писатели нравовъ рѣдко открывали намъ входъ во внутреннюю жизнь нѣкопрыхъ Парижскихъ семействъ, столько для насъ занимательную; они рѣдко вводили насъ въ тайны сихъ жилищъ, изъ коихъ выходятъ такъ свѣшло и щегольски разодѣтыя женщины, которыя богаты на улицѣ, а у себя видятъ всѣ признаки непрочнаго состоянія.

Если предлагаемое описаніе подробно, не порицайте его длинноты, ибо подробности сіи входятъ въ составъ повѣсти.

Въ самомъ дѣлѣ, видъ покоевъ, гдѣ жили сосѣдки, много имѣлъ вліянія на чувствованія и надежды Юлія Шиннера.

Историческая истина требуетъ сперва опъ насъ, чѣмъ мы сказали, что хозяинъ дома принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, кои имѣютъ врожденное отвращеніе къ поправкамъ и украшеніямъ, думая, что бытъ домовладѣльцемъ въ Па-

Телеск. Ч. XII.

4

рижѣ значить исполнять какую-нибудь важную должность.

Въ цѣпи нравственныхъ существъ, сіи люди занимають средину между скупцами и ростовщиками. Они оптимисты по расчету и всегда вѣрны *statu quo* Мемперниха. Посоветуйте имъ переславить раму, дверь, или сдѣлать самую нужную форточку, топчасъ у нихъ въ глазахъ заребѣетъ, желчь разольется, они будутъ готовы спать на дыбы, какъ испуганныя лошади.

Если, къ несчастію, въперъ повалишь у нихъ шрубу, они топчасъ спановаятся нездоровы и ради поправокъ домовыхъ, не ѣздятъ ни въ водевилъ, ни въ мелодраму.

Юлій, который, по случаю какихъ-то перестроекъ и украшеній въ своей мастерской, имѣлъ прежде *gratis* прекомическую сцену съ хозяиномъ, бывшемъ сполначальникомъ въ Военномъ Министерствѣ при Карно, не удивился ни чернымъ и жирнымъ пятнамъ, ни маслянымъ опшѣнкамъ, виднымъ на стѣнахъ дома: сіи признаки бѣдности не лишены поэзіи въ глазахъ художника.

Дѣвица Лесеньеръ сама отворила дверь.

Увидя молодого живописца, она ему поклонилась; потомъ, какъ распоропная и

смѣшная Парижанка, припворила дверь перегородки, въ кошую Юлій могъ замѣ-
шить бѣлье, навѣшанное на веревкахъ надъ
экономическою печью, старую кровать,
очагъ, уголье, утюги, кухонный фонтанъ,
посуду и разныя мѣлкія хозяйственныя ору-
дія. Довольно чистыя кисейныя занавѣски
скрывали сію домашнюю лабораторію, бѣд-
но освѣщавшуюся съ сосѣдняго двора.

Юлій, однимъ быспрымъ и наблюдатель-
нымъ взглядомъ, свойственнымъ художни-
ку, усмотрѣлъ назначеніе, убранство и
расположеніе сей первой комнаты, раздѣ-
ленной на двое.

Почетнѣйшая половина, служившая и
переднею и споловою, была обита спарою
свѣтложелтою бумагою, съ каемкою подъ бар-
хатъ, вѣроятно изъ фабрики Ревельона,
на кошорой дыры и пятна тщательнo по-
крывались облаками. По стѣнамъ симметрич-
но висѣли эстампы, представлявшіе библїи
Александровы, съ картинь Лебрёня, но
въ рамкахъ, утратившихъ свою позолоту.

Въ серединѣ стоялъ массивный столъ
изъ акажу, сдѣланный по старинному и
истертый по краямъ. Въ каминѣ была ма-
ленькая печка; надъ каминомъ висѣлъ шкафъ.
Стулья довольно странно напоминали о

прошломъ великолѣпіи: они были изъ вырѣзнаго акажу, но красный сатѣянъ, вызолоченные гвозди, песьма, всѣ были въ ранахъ, какъ старые Императорскіе сержанты. Сверхъ того бросались въ глаза и другіе предметы, которые встрѣчаются только въ сихъ, шакъ сказашъ, двуспихійныхъ жилищахъ, предметы безъ имени, равно принадлежащіе и роскоши и бѣдности. Такъ на примѣръ, прекрасно опдѣланная зрипельная трубка висѣла надъ зеленоватымъ каминнымъ зеркальцемъ.

Наконецъ, въ дополненіе къ сему странному убранству, поставецъ, выкрашенный подъ акажу, въ подражаніяхъ менѣе всякаго дерева удающееся, споялъ между каминомъ и перегородкой. Между шѣмъ красный и лакированный полъ, изодранные коврики передъ стульями, мебель, все блистало пою опрятностью, копорая любилъ все переплъ, наводилъ блескъ на спарую скудель и шѣмъ лишь только болѣе обнаруживаешъ ея недоспашки, вѣтхость и давнюю службу.

Въ комнату господствовалъ какой по смѣшанный запахъ, спекавшійся изъ домашней лабопоріи, изъ споловой и съ лѣспницы. Однако въперокъ изъ полуотверстаго окна колебалъ перкалевый занавѣски, иску-

сно закрывавшія впадину, гдѣ разнаго рода фигуры, родъ домашнихъ фресковъ, напоминали о прежнихъ жильцахъ.

Аделаида проворно отворила дверь въ другую комнату и съ какою то радостію ввела туда живописца.

Юлій, видѣвшій прежде у своей матери тѣже признаки бѣдности и замѣтившій ихъ, съ живосію чувства, сродною однимъ первымъ впечатлѣніямъ нашей памяти, отгадалъ мгновенно всѣ подробности сего быта и, узнавая въ нихъ то, чѣмъ былъ самъ окруженъ въ своемъ дѣтствѣ, не почувствовалъ ни презрѣнія къ сему скрытому несчастію, ни гордости, когда вспомнилъ о томъ дослѣдкѣ, которымъ онъ недавно окружилъ свою мать.

— Надѣюсь, сударь, что вы совсѣмъ теперь здоровы, сказала спаруха, приподнимаясь съ спариннаго стула, появившаго возлѣ камина, и предлагая ему кресла.

„О, совершенно; и я пришелъ благодарить васъ за всѣ ваши милыя спаранія; особенно вашу дочь. . . вѣдь она услышала, какъ я упалъ.“ . .

Говоря сіи слова, дышавшія пою милою глупостію, въ которую вводилъ душу первое смущеніе истинной любви,

Юлій смотрѣлъ на Аделаиду, но она зажигала лампу *à double courant d'air*, чѣмъ ею замѣнивъ большой мѣдный шандаль и сальную свѣчу, лишую съ какими-то выемками. Она слегка поклонилась, поставила шандаль въ переднюю, а лампу на каминъ, и сѣла подлѣ мапери, немного позади живописца, чѣмъ глядѣть на него вдоволь. Но на каминѣ было большое зеркало; Юлій пошчасъ въ него взглянулъ, съ намереніемъ увидать Аделаиду; и сія дѣвичья уловка только чѣмъ смутила ихъ обоихъ.

Разговаривая съ маперью и на всякой случай называя ее Гжею Лесеньеръ, онъ разсмащивалъ гостинную, но скромно и украдкой. Въ каминѣ была куча золы, да двѣ головешки, лежавшія на желѣзныхъ паганахъ съ Египетскими фигурами, спарались соединивъ свой пламень, передъ кускомъ каменого угля, зарытымъ въ золу, столь же заботливо какъ кладъ скупago. Къ счастью, спарый коверъ, заштопаный, какъ мундиръ инвалида, лежалъ на каменномъ полу и предостерегалъ отъ холода. Спѣсны были обшпы красноватой бумагой съ желтыми рисунками, подражавшей шпофу. Пропивъ оконъ, среди спѣсны, Юлій увидалъ щель и складки на обояхъ,

происходящія отъ дверей въ альковъ, гдѣ вѣроятно, стояла постель старой дамы. Эпопъ секретный входъ былъ, частію, заслоненъ пославленнымъ для того канане. Напрошивъ камина, находился прекрасный комодъ изъ акажу, покрытый изящной и богатой рѣзбою: надъ нимъ висѣлъ портретъ какого-то военнаго и важнаго чиновника, но слабый свѣтъ не давалъ разобранъ живописцу, къ какому роду службы онъ принадлежалъ. Впрочемъ, это была опчаянная живопись, скорѣе Кипайской, чѣмъ Парижской работы. Занавѣски на окнахъ были изъ красной шелковой матеріи, но полинялой, также какъ и вся красная и желтая драпировка мебели. На мраморной доскѣ комода, стоялъ дорогой малакишовый подносъ съ дюжиною кофейныхъ чашекъ, прекрасно расписанныхъ и вѣрно изъ Севра; на каминѣ вѣчные споловые часы, временъ Имперіи, представлявшіе воина на колесницѣ, управляющаго чепырьмя конями; на каждой спицѣ колеса изображена была цифра, означавшая часъ. Восковыя свѣчи на свѣтлыхъ подсвѣчникахъ были закопчены отъ дыма; и на каждомъ углу камина стояли фарфоровыя вазы съ поддѣльными запы-

ленными цѣвѣтами , вокругъ убраннымъ цвѣтомъ. Въ самой же срединѣ комнашы былъ столъ для игры и новыя каршы.

Въ глазахъ наблюдателя , вѣрнѣе оей бѣдности, нарумяненной какъ спарая женщина , хопящая лапѣ на своемъ лицѣ , имѣло нѣчто непріятное. Увидя все это , человекъ разсудительный шайно бы себѣ предложилъ такую дилемму : или это женщины самыя честныя , или онѣ живутъ инпригами и игрою ; но видя Аделаиду , молодой человекъ , чистый какъ Юліѣ , долженъ былъ совершенно вѣрнѣе въ невинность и объяснялъ прошиворѣчія сего убранства самыми честными причинами.

— Мнѣ холодно, сказала спарая дама своей дочери; разведи-ка огонь и дай мнѣ шаль,

Аделаида пошла въ комнашу , смежную съ гостинной , вѣроятно въ спальню ; возвратилась и подала матери кашемировую шаль , нѣкогда вѣрно неимѣвшую цѣны. Юліѣ никогда не видывалъ такихъ богатыхъ цѣвѣтовъ , такихъ окончанныхъ рисунковъ : но шаль была стара , изношена , въ разныхъ мѣстахъ искусно заштопана и имѣла сходство съ комнашною мебелью. Спарая дама вѣсьма художественно ею окупалась и съ шакою спарушечьей ловкостью,

которая ввинула бы вѣру въ ея слова. Молодая дѣвушка побѣждала въ первую комнату и, принеши хворосту, бросила его въ огонь.

Трудно было передать разговоръ сихъ трехъ особъ. Руководимый благородною сноровкою, свойствомъ, воспитаннымъ въ немъ прежними несчастіями, Юлій не сдѣлалъ ни одного замѣчанія, которое относилось бы къ положенію его сосѣдокъ, ибо видѣлъ вокругъ себя признаки нужды ужасной и худо скрытой; всякой вопросъ такого рода былъ бы не скромнень и только позволителенъ давнишней дружбѣ. Однако на живописца наводила заботу сія тайная бѣдность; его благородная душа спрадала; и зная, что всякое сожалѣніе, даже дружеское, оскорбительно, онъ былъ жершвою несогласія своихъ мыслей съ словами. Дамы говорили о живописи: женщины такъ хорошо опгадываютъ тайную неловкость перваго визита, можетъ быть отъ того, что сами живо сочувствуютъ; свойство ихъ ума даетъ имъ тысячу средствъ къ усмиренію оной. Разспрашивая молодого человѣка объ его искусствѣ и трудахъ, Аделаида и маменька поощрили его къ разговору, и неопредѣлительныя мелочи ихъ добродушной бесѣды естественнo привели

его къ разнымъ змѣчаніямъ и сужденіямъ, изобличившимъ свойства его жизни и души.

Старая дама, вѣроятно, нѣкогда была хороша собою; но тайная скорбь покрывала ея лице преждевременными морщинами; видны были однѣ выдающіяся черпы, абрисы, словомъ — скелетъ фیزیогноміи весьма умной, съ большою прелестію въ глазахъ и напоминавшей выраженіе, свойственное женщинамъ прежняго двора, которое опредѣлить не возможно. Но сіи же шонкія, подробныя черпы могли также означать дурныя чувства, женскую хитросць и лукавство въ высшей степени. Въ самомъ дѣлѣ, женское лице пѣтъ обманываетъ обыкновенныхъ наблюдателей, что разница между опкровенностью и двоедушіемъ, между геніемъ интриги и геніемъ сердца, въ немъ почти незамѣтна. Надо умѣть ошгадывать сіи неуловимыя оппѣнки. Это зависитъ по опъ линіи болѣе или менѣе согбенной, по опъ ямочки меньше или больше вглубь ушедшей, по опъ выпуклости болѣе или менѣе выдавшейся; и все искусство разбираетъ сіи признаки находится въ нашемъ глазѣ: одни глаза могутъ намъ опкрыть по, что опъ насъ шакъ заботливо укрывается, и наука

наблюдателя состоишь въ быстрой проницательности его взгляда.

Итакъ лице этой дамы было, какъ ея жилище. Спотькожь было трудно узнать, кроетъ ли эта бѣдность пороки или высокую честность, сколько выведешь, что была мать Аделаиды: старая ли кокетка; привыкшая все взвѣшивать, все расчислявать, все продавать, или женщина съ любящимъ сердцемъ, слабая, исполненная граціи и нѣжности. Но, въ лѣта Юлія Шиннера, первое движеніе сердца предполагаетъ хорошее, и всматриваясь въ благородное и почти гордое чело Аделаиды, въ ея глаза, полные души и мыслей, онъ, такъ сказать, дышалъ свѣжимъ и скромнымъ благовоніемъ добродѣтели.

Во время бесѣды, онъ заговорилъ вообще о портретахъ, чтобы послѣ имѣть право разсмотрѣть опчаянный пастель, который упрямилъ яркость красокъ и ронялъ съ себя пыль.

„Вы вѣрно цѣните эту портретъ за сходство; ибо сказать по совѣсти, онъ очень дурно нарисованъ,“ сказалъ Юлій, смотря на Аделаиду.

— Онъ сдѣланъ въ Калькуттѣ, и наскоро, отвѣчала мать пронушимъ голосомъ.

Потомъ она посмотрѣла на безобразный эскизъ съ глубокимъ спокойствіемъ, чувствуемымъ нами, когда воспоминанія счастья, всё вмѣстѣ, пробуждающіяся и падаютъ на сердце, какъ благотворная роса, съ своимъ сладкимъ и свѣжимъ прикосновеніемъ, коему мы любимъ, предаваясь; но въ тоже время въ лицѣ старой дамы выражался вѣчный прауръ; или, по крайней мѣрѣ, такъ показалось живописцу. Онъ сѣлъ подлѣ ней и сказалъ дружескимъ голосомъ:

„Скоро и красокъ не останется на этомъ паспелѣ. Порпирецъ будешь только жить въ вашей памяти, и тамъ, гдѣ вы будете видѣть любимыя черпы, другіе ничего не увидятъ... Позвольте мнѣ перенести это сходство на холстъ: оно будетъ прочнѣе чѣмъ на бумагѣ... Дайте мнѣ случай, ради нашего сосѣдства, имѣть счастье вамъ услужить... Есть часы, въ которые художникъ занимаясь работою мнѣ возвышенной, любитъ отдыхать отъ важныхъ трудовъ... Переписать эту голову будетъ для меня развлеченіемъ...“

Старая дама вздрогнула, услышавъ сіи слова, и Аделаида, украдкой, бросила на живописца взглядъ, спремившійся изъ глубины души.

Юлію хотѣлось чѣмъ нибудь сблизиться съ своими сосѣдками и получить право входить въ ихъ жизнь. Его предложеніе, опосредствованное только къ живѣйшему сердечному чувству, было одно возможное; оно льстило его художнической гордости и не могло оскорбить сосѣдокъ.

Гжа Лесенбѣръ согласилась.

„Мнѣ кажется, продолжалъ Юлій, это морской офицеръ.“ . .

— Да, отвѣчала она, на немъ мундиръ корабельнаго Капитана. Баронъ Рувиль, мой мужъ, умеръ въ Батавіи отъ раны, полученной въ сраженіи съ однимъ Англійскимъ кораблемъ, при берегахъ Азіи. . . Онъ командовалъ 60 пушечнымъ фрегатомъ, а *Revenge* имѣлъ ихъ 96. Борьба была неравная, но мужъ мой такъ храбро защищался, что успоялъ до самой ночи и могъ удалиться.

— Когда я возвратилась во Францію, Бонапарть не имѣлъ еще власти и мнѣ предложили въ пенсіи. . .

— Недавно, я объ ней просила, но Министръ сурово сказалъ мнѣ въ отвѣтъ, что еслибъ Баронъ Рувиль участвовалъ въ эмиграціи, то оспался бы живъ и безъ сомнѣнія былъ бы уже Контр-Адмираломъ; наконецъ,

въ заключеніе отказа, Его Превосходительство привелъ какой-то законъ о сбавкѣ жалованья. . . Если я и рѣшилась на просьбу, то болѣе для бѣдной Аделаиды, да и друзей, меня уговорили. . .

— Что до меня, я не любила никогда просягивать руку, въ грусти, которая, должна лишать и силъ и голоса. Я не шерплю денежной оцѣнки крови, невозвратимо пролитой. . .

— „Машушка, это воспоминаніе насъ всегда преревожитъ. . .“

При сихъ словахъ Аделаиды, Баронесса Рувиль опустила голову и замолчала.

— „Я всегда думала“ — сказала Юлію молодая дѣвушка, „что живописцы прудятся въ пишинѣ? Не вы ли сегодня.“ . .

Юлій покраснѣлъ отъ сего вопроса и улыбнулся; но Аделаида не кончила и избавила его отъ лживаго опивѣта, вставши при спукѣ карешы, остановавшейся у вѣрошъ. Она пошла въ свою комнату, опшуда принесла два подсвѣчника изъ вызолоченой бронзы съ двумя початыми восковыми свѣчами, зажгла ихъ, понесла лампу въ другую комнату, и отворила дверь, не дождавшись звона колокольника. Звукъ даннаго и полученнаго поцѣлуя опозвался

въ глубинѣ Юліева сердца. Неперенное узнавше, кто такъ коротко обращался съ Аделаидой, не было такъ скоро удовлетворено; ибо пришедшіе зачали съ нею разговоръ тихимъ голосомъ, разговоръ, показавшійся ему весьма длиннымъ.

Наконецъ она явилась и за нею вошли двѣ особы, которыхъ костюмъ, физіогномія и наружность моглибъ сосланишь одни цѣлую повѣсть.

(до слѣдующей книжки.)

IV.

ОБЗРѢНІЕ

ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. а)

Мнѣнія о Литературѣ Испанской весьма различны. Нѣкоторые почитаютъ ее недостойною даже поверхностнаго изученія. Самый Монпескѣ который, ми-

а) Опрывокъ изъ рѣчи, говоренной, 15 Ноября 1828 года, Дономъ Антоніо Алкала Галіаномъ, бывшимъ Депутатомъ при собраніи Кортесовъ, книгъ сосланищихъ въ должностни Профессора Испанскаго Языка и Литературы въ Лондонскомъ Университетѣ при открытіи имъ своего курса.

мохо́домъ сказа́тъ , конечно мало зна́тъ ее ,
ушве́ржда́лъ , что Испанцы имѣю́тъ одну
то́лько хоро́шую книгу а) и что э́та
еди́нственна́я кни́га со́ставляе́тъ са́миру
про́шивъ всѣхъ про́чихъ. Сто́ль несправедли-
вое , или лучше сказа́тъ , превраще́ное сужде́ніе
не заслу́живае́тъ ника́кого опроверже́нія.
Другіе кри́тики , не проси́раясь такъ
далеко , ушве́рждаю́тъ , что Испанская Ли-
тера́тура , не стои́тъ тру́да , ко́порый
на́до упо́требить для ея изуче́нія , что
произведе́нія ея посредствѣ́нными и бѣ́дны , не
оплѣчаю́тся ни силою́ духа , ни ориги-
на́льно́стію , ни уче́но́стію , что онѣ́ не
озаре́ны свѣ́томъ филосо́фіи; короче , что вся
ли́тера́тура сі́я носи́тъ на себѣ́ печа́тъ того
спѣ́сненія , шѣ́хъ оковъ гра́жданственны́хъ
и религі́озныхъ , опѣ́ дѣ́йствія ко́ихъ со-
круши́лась е́щесвѣ́нная эне́ргія всей на́ціи.

Еще́ другіе изъ́явили соверше́нно про-
тивопо́ложное мнѣ́ніе , ко́поре , хо́тя бла-
госкло́ннѣе выше́ изложе́ннаго , но такъ
же неспосо́бно да́тъ надлежа́щее поня-
тіе о ха́рактерѣ́ Испанской Ли́тера́туры.
Они́ говори́ли , что въ произведе́ніяхъ Ис-
панцевъ́ господствую́тъ воспо́чный вкусъ ,

а) И́менно До́н-Кихо́та.

что Испанскіе писатели, руководствуясь Арабскими образцами, писали слогомъ напыщеннымъ, романтическимъ, ознаменованнымъ печатью необузданнаго воображенія, совершенно несходнымъ съ слогомъ другихъ Европейскихъ авторовъ, но который шѣмъ не менѣе сообщаетъ ихъ твореніямъ чрезвычайную занимательность. Слогъ сей однако не есть опличительный характеръ писателей Испанскихъ; скорѣе можно упрекать ихъ въ слишкомъ рабскомъ подражаніи Лапинскимъ и Италіянскимъ классикамъ.

Не многіе въ Европѣ, до конца XVIII столѣтія, имѣли въ рукахъ Испанскія книги. Спрогіе приговоры были произнесены судіями, которые читали только нѣкоторыя сочиненія Испанскія, а могутъ быть и никакихъ. Неблагоразумные защитники вступались за честь сей націи; но для защищенія ея недостаточны ихъ сочиненія, исполненные ошибокъ. Таковы были: а) Отвѣтъ Денины Мазону, который во Французской Энциклопедіи, въ статьѣ: *Испанія*, весьма худо отзывался о семъ государствѣ; и б) Историко-Апологическій Опытъ Испанскаго Іезуита Ламильяса, писавшаго на Италіянскомъ языкѣ.

ТЕЛЕСК. Ч. XIII.

къ, проптивъ Тирабоски, Беллпинелли и Наполи-Синьорелли. Но ни Денина ни Лампильясъ не изложили основательнаго обзорѣнія Испанской Литературы.

Въ нынѣшнее время Испанскіе писатели сдѣлались болѣе извѣстны въ другихъ земляхъ. Нѣмцы высоко оцѣнили Испанскихъ поэтовъ, изъ коихъ многіе переведены на ихъ языкъ и, сколько я слышалъ отъ другихъ, переведены хорошо: къ сожалѣнію самъ я не знаю языка сего и долженъ основываться на слухахъ.

Во Франціи и теперь находится довольно количество особъ, хорошо знающихъ Испанскую Литературу. Англія изобилуетъ охотниками до языка Испанскаго: можно съ похвалою наименовать многихъ превосходныхъ судей Испанской Словесности, именно: Соутея, Члена Королевско-Испанской Академіи; Лорда Голланда, коего имя всякой Испанецъ произноситъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія, какъ самаго ревностнаго и самаго постояннаго друга Испаніи; Боуринга, который прекрасно перевелъ многія мѣлкія стихотворенія Испанскія и говоритъ на семь языкъ съ достопримѣчательною легкостію и чистотою; Вие-

фена, переводчика Гарсилассо; и многих других, коихъ именъ я теперь вспомнить не могу, но достоинству коихъ отдасть должную справедливостъ счишаю за величайшее удовольствіе.

Начну Сидомъ, первымъ памятникомъ нашего стихотворства и словесности. Я желалъ бы имѣть право говорить не только о нынѣшней литературѣ Испанской, но и о древней. Велика была во времена Римлянъ и Арабовъ литературная слава моего отечества. Та провинція Имперіи Римской, которая, по выраженію Гиббона, подарила ей, въ особѣ *Траяна*, такого Императора, котораго самъ *Сципіонъ* не отказался бы назвать своимъ согражданиномъ; которая потомъ въ списокъ Мировластителей включила еще два великія имени *Адриана* и *Теодосія*: сія провинція произвела также многихъ писателей, коихъ имена съ честию занимаютъ мѣста во второмъ разрядѣ Римской Литературы. Таковы: *Юлій Гигинъ*, первый, о коемъ упоминаетъ *Николай Антоніо* въ своей Библіотекѣ Древнихъ Писателей Испанскихъ; потомъ *Колумелла*, *Силій Италикъ*, оба *Сенеки*, *Луканъ*, *Марціалъ* и *Квинтилианъ*. Извѣстно, въ

какомъ цвѣтущемъ состояніи находилась Арабская Литература въ Испаніи. Съ удовольствіемъ видѣлъ я, что почтенный товарищъ мой, Профессоръ Еврейскаго Языка, въ описаніи Литературы сего языка, изъ Евреевъ Испанскихъ составилъ особенную спашью. Да проспятъ мнѣ сіе опшущеніе!

Ишакъ начиная съ *Сиды*, признаюсь, что въ немъ нахожу я мало хорошаго, хотя многіе свѣдущіе литераторы совсѣмъ другаго мнѣнія. Древняя Испанская Литература, особенно стихотворство, не можетъ похвалиться ни новостью, ни возвышенностью. Достопочтенный П. Бланковиче, крипикъ добрый, хотя иногда и худо расположенный къ своему опечесству утверждаетъ, что Испанскіе писатели XVI столѣтія вообще были робки, несвободны и совершенно чужды той романтической смѣлости, кошую имъ нѣкоторые приписываютъ. Я въ этомъ съ нимъ согласенъ. Впрочемъ *Узаконенія de las Patriidas* хорошо написаны, а въ книгѣ о Графѣ Луканорѣ, писанной Принцемъ Дономъ Мануэлемъ, находится много шонкаго и остроумнаго. Въ сатирическомъ родѣ замѣчашеленъ Протоіерей Гитскій, своими счастливыми остро-

тами. Весьма занимательны письма Фернандо - Гомеца Сіудад - Реальскаго; онъ исполнены жизни и приязности и, какъ образцы письменнаго слога, могутъ выдержать сравненіе со всякими другими. Спроки Георга Маврике, написанныя по случаю смерти отца его, оплечающа необыкновенною красотою, непринужденностью и даже величіемъ. Обширнѣйшее погдашнее стихотворное произведеніе, Лабиринтъ, Іоанна Мены, замѣчательно своею слабостію. Квинтана, одинъ изъ нашихъ величайшихъ, еще въ жизни находящихся, поэтовъ, сравниваетъ многія изъ шаринныхъ Испанскихъ стихотвореній съ древнимъ оружіемъ, хранящимся въ арсеналахъ, коему хотя и удивляются любители древностей, но которое нынѣ для военнаго употребленія не годится. Сей, хотя сурогъ приговоръ, во многихъ отношеніяхъ справедливъ. Романы сей эпохи могутъ составить исключеніе, но не всѣ; справедливо, что они просты, примитивны, иногда исполнены силы; но лучшіе, по мнѣнію моему, принадлежатъ къ позднѣйшей эпохѣ.

Въ началѣ XVI столѣтія, приняла Испанская Литература совсѣмъ другой характеръ. Возникшее вновь изученіе клас-

синовъ, частыя сношенія съ Италіей и новое стремленіе ума человѣческаго, произвели благотѣлнѣйшее дѣйствіе. Намѣреніе составить Библію Полиглотшу (Многоязычную), доказываетъ, какъ сильно распространено тогда на Пиринейскомъ полуостровѣ изученіе древнихъ языковъ; въ нихъ преимущественно отличились Арій Моншано, Францискъ Санхесъ де Броца, Людовикъ Вивесъ, Симонъ Абриль, Антонію Небрѣа и другіе. Наши Историки, Маріана и Мендоза, рѣшительно подражали Саллюстію, Ливію и Тацитъ. Спрошеніе Гранадинскихъ періодовъ совершенно Цицероновское; Гарсилассо, Геррера, Леонъ, оба брата Аргензолы, исполнены подражаній древнимъ поэтамъ. Ихъ слабостъ состоитъ въ отсутствіи смѣлыхъ и оригинальныхъ мыслей; и весьма не трудно угадать причины, которыя произвели столь удивительное дѣйствіе на нравы, снабженные отъ природы высокой степенью энергіи.

Короли Испанскіе имѣли тогда цѣлью соблюсти въ областяхъ своихъ единство вѣры и — сколько возможно — тождество въ образъ мыслей! Для достиженія цѣли сей учредили они Инквизицію, вліяніе коей скоро оказалось и надъ такими

предметами, кои не подлежали вѣдомству сего оудилища. Служишь Богу и Королю, вотъ двѣ мысли, коихъ Испанецъ никогда не выпускалъ изъ виду; для исполненія сей службы, зналъ онъ только одинъ путь, въ полномъ убѣжденіи, что малѣйшее уклоненіе отъ него причинишь его гибель не только въ будущемъ, но и въ здѣшнемъ мірѣ. Не мнѣ осуждать или хвалить учрежденіе сіе: но моя обязанность показать вліяніе его на литературу. Отсюда произошло чрезвычайное могущество и вліяніе Испанскаго духовенства; отсюда и то, что вниманіе Испанцевъ обратилось исключительно на предметы, которые предпочтительнее доставляли достоинства и почести. Богословіе, а не свободное изысканіе истины, получало награду. Схоластическую Философію изучали, какъ вспомогательное средство Богословія. Изящная Литература была только перепима; но ей не оказывали покровительства, которое хотя не имѣетъ благотворнаго дѣйствія свободы, все однако лучше, чѣмъ пренебреженіе, сопряженное съ неволю. На Естественныя Науки обращали мало вниманія. Легко можно предсказать

себѣ дѣйствіе такихъ обстоятельствъ ; произведенія Испанскихъ писателей всѣ удивительно какъ сходны своею посредственностью. Конечно гдѣ могли писатели опличаться, тамъ они опличались, но очень не многіе. Великія красоты слога находясь въ историкахъ ; много учености въ нѣкоторыхъ политическихъ писателяхъ ; плавность и одушевленіе замѣтны въ аскетическихъ проповѣдникахъ, благозвучіе и иногда возвышенность въ поѣтахъ, особенно при ихъ благочестивыхъ изліяніяхъ чувствованій, гдѣ геній ихъ, (во всѣхъ прочихъ пунктахъ окованный), могъ безпрепятственно проявляться, равно какъ при выраженіяхъ любви, которая для нихъ была чувствомъ почти религіознымъ. Но историки не должны были взирать на происшествія съ философической точки зрѣнія; политики не осмѣливались возноситься къ тѣмъ высокимъ правиламъ, которыя составляютъ основаніе государственной науки, а тѣмъ болѣе не дерзали примѣнять правилъ сихъ къ современнымъ событіямъ. Аскетикамъ было запрещено совращаться съ продолженнаго пути и изыскивать основанія нравственности и религіи по внушенію

имъ собственнаго ихъ разсудка. Поэты, не державшіе свободно парить воображеніемъ въ безконечной области творчества, ограничивались, какъ говорилъ Квинтано, безцвѣтными нравоученіями и любовными пѣснями, кои украшали иногда аллегоріями изъ пастушескаго міра.

Наконецъ подражанія древнимъ Классикамъ и Италіянцамъ прекрапились: Испанскіе писатели сдѣлались самоспопашельнѣе, хотя творенія ихъ мало опличались чистотою вкуса. Не имѣя свободы сообщать сочиненіямъ своимъ силу философическихъ изысканій или выразительность политической полемики, они перялись въ рѣбаческихъ шонкоспяхъ, не умѣли опличить напыщенности отъ истинной высокости духа. Къ концу XVI столѣтія вступили они на новое поприще, которое проходили иногда съ успѣхомъ. Въ сіе то время написана большая часть пастушескихъ романовъ, въ коихъ недоспапокъ плана, вѣрнаго, сильнаго изображенія характеровъ, и занимательности, произтекающей изъ живаго описанія спраспей, едва вознаграждается нѣкоторыми отдѣльно разсѣянными красотоми. Сапирическіе романы, изъ коихъ первый,

Гусманъ д'-Альфарачъ , писанный нѣсколько ранѣе , далеко по мнѣнію моему превосходитъ романы паспущескіе. Въ сіе же время написалъ Сервантесъ своего Дон - Кихота , произведеніе , у котораго никто не спанетъ оспаривать права на всеобщее удивленіе. Лопецъ де Вега преобразовалъ Испанскую драмму. Тогда же появились Маврокіе и Паспущескіе Романы , которые съ простою древнихъ временъ соединяли новыя драгоценныя качества , и хотя отчасти обезображены излишнею утонченностію мыслей , но вознаграждаютъ сей недостатокъ приличными , кспаша сказанными остроуміями , и сладостной гармоніей стиховъ.

Справедливо , что въ писателяхъ сей эпохи замѣтенъ восточный вкусъ. Но очень сомнительно , чтобъ сіе происходило отъ изученія Арабскихъ писателей. Испанской народъ вообще ненавидѣлъ тогда Арабовъ , какъ невѣрныхъ , и даже презиралъ ихъ , какъ варваровъ. Сокровища Арабской Литературы сдѣлались извѣстны не прежде XVIII вѣка , когда Назири обнародовалъ свою Арабскую Библіотеку. Не взирая на то , нравы жителей

Южной Испаніи были сходны съ Арабскими. Тамъ царствовала склонность къ увеличеннымъ изображеніямъ, къ выраженіямъ гиперболично-мещасторическимъ, которую приписать должно отчасти прежнему долговременному обращенію съ Сарацинами, отчасти вліянію климата и обычаямъ, сходствовавшимъ съ Арабскими. Поэты удалились отъ классиковъ и Италіанской школы; слогъ ихъ проникнутъ пономъ и такъ сказать принялъ опитъ ки общественной жизни, коей они наслаждались. Осада Гренады была для Испанцевъ поже, что для Грековъ осада Трои. Такимъ образомъ имена Арабскія осыщались поэтически въ землѣ, гдѣ строгое уединеніе считалось первою, необходимою добродѣтелью прекраснаго пола, гдѣ любовникъ изъяслялъ своей повелительницѣ чувствованія, его одушевлявшія, подъ аллегорическимъ изображеніемъ влюбленнаго Мавра, который у ногъ соплеменной ему красавицы, изливаетъ въ пламенныхъ выраженіяхъ оспрасть свою. Поэзія, скрываясь подъ Маврскимъ одѣяніемъ, сообщила свой духъ и прозѣ, которую одушевляла возвыщенными чувствованіями, но въ поже вре-

мя часто обезображивала напыщенностью, или невѣрными, слишкомъ изысканными идеями.

Нельзя не сознаваться, что Испанскіе писатели XVII вѣка подлежатъ многимъ упрекамъ; но не менѣе того въ сію эпоху процвѣтали великіе мужи, произведенія коихъ и нынѣ еще съ удовольствіемъ читать можно. Извѣстенъ Квеведо, занимавшій первое мѣсто между писателями своего времени. Сааведра безъ сомнѣнія не ещеслвенъ, за то въ высшей степени блистателенъ. Изъ историковъ того времени лучшій Мело; Монкада превосходитъ его красавоспію слога. Драмашическіе писатели сей эпохи заслуживаютъ вниманіе не только по достоинству, но и по количеству своему. Главою ихъ является Кальдеронъ, коего особенно превозносятъ крипики Нѣмецкіе. Я соглашаюсь съ ними, но не могу изъяслять моего къ нему удивленія съ такой неограниченностью, какъ они. Количество современныхъ Кальдерону драмашическихъ писателей очень велико; многіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма сходствуютъ съ нимъ. Андресъ, уроженецъ Испанскій, но писавшій на Италіянскомъ

языкъ, совершенно безпристрастно утверждаетъ, что въ количествѣ, произведенія Испанскихъ драматурговъ превосходятъ произведенія всѣхъ другихъ націй.

Съ сего времени имѣю я говорить объ эпохѣ печальной въ исторіи Испанской Литературы, хотя во время ея процвѣтала Солисъ, коего можно назвать послѣднимъ изъ древнихъ писателей Испанскихъ. Онъ оставилъ по себѣ двѣ очень хорошія комедіи и Исторію Завоеванія Мексики, сочиненіе весьма извѣстное, но слишкомъ строго разобранное Робертсономъ. Сія Исторія исполнена ошибокъ, копорые однакоже искупаются великими красотою; нельзя, чтобъ человѣкъ, знающій хорошо Испанской языкъ, не ощущалъ особеннаго удовольствія при ея чтеніи. По смерти сего писателя, Литература Испанская совершенно осиротѣла. Эпоха сія представляетъ странное явленіе въ исторіи духа человѣческаго. Безъ революціи, безъ впорженія вѣншихъ неприятелей, единственно отъ дѣйствія внутреннихъ причинъ, исчезли въ Испаніи не только всѣ слѣды вкуса, даже здраваго смысла. Сокрушеніе политическаго могущества Испаніи, бывшее слѣдствіемъ нѣхъ же причинъ, произо-

шло вмѣстѣ съ сокрушеніемъ умственныхъ силъ. Началась такъ называемая Наслѣдственная Война; легко понятны дѣйствія ея произведенныя. Но возвышеніе на престолѣ Испанскій одного изъ Бурбоновъ, сопровождалось обстоятельствомъ, выгодными для либературы. Она наслаждалась, благодаря тогдашней Французской модѣ, покровительствомъ. Учредились двѣ новыя Королевскія Академіи, одна Испанской Литературы, другая Исторіи Испанской; возпало новое поколѣніе писателей, уже не древне-Испанскихъ, но образовавшихся на Французской образецъ. Люзанъ написалъ свою Піишику, въ коей подражалъ нѣкому Ле-Боссю, забытому нынѣ въ собственномъ его отечествѣ. Бенедикшинецъ Фейхоо осмѣлился въ Естественныхъ Наукахъ объявить войну чудовищному суевѣрію народа. Хотя онъ не былъ человѣкъ гениальный и только что перевелъ нѣкоторыя Французскія творенія на дурной Испанской языкъ, но имѣлъ опъ природы здравой смыслъ и швердый характеръ. Не нужно замѣчать, что у него было много неприятелей, которые тѣмъ болѣе злobiliсь на него, чѣмъ несправедливѣе были сами. Правительство оказало Фейхоо за-

щипу способомъ, который характеристически живописуетъ тогдашнее состояніе Испаніи. Былъ изданъ манифестъ отъ имени Короля, слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ Его Величеству благоугодно сочиненія Ошца Фейхоо, то не прилично, кому бы то ни было, осмѣливаясь нападать на оныя.“

Лучшая школа возникла тогда въ Университетахъ, не потому чтобы лекціи были хорошо образованы, но потому, что юношество, собираясь въ своихъ комнатахъ, разбирало то, что слышало въ аудиторіяхъ; сверхъ того молодые люди получали новыя книги, посредствомъ коихъ распространялись между ними новыя познанія. Слѣдствія того оказались въ писателяхъ Испанскихъ, процвѣтавшихъ къ концу XVIII столѣтія. Тогда явился Ховелланосъ, ревностный патриотъ, просвѣщенный и здравомыслящій чиновникъ, философъ глубокомысленный, писатель краснорѣчивый и благозвучный, въ твореніяхъ коего счастливо соединены не только красота слога, но и здравыя правила, въ отношеніи къ законодательству, литературѣ, изящнымъ искусствамъ и политической экономіи, въ тогдашнемъ ея объемѣ.

Съ удовольствіемъ готовъ я приступишь къ сей эпохъ Литературы Испанской, которая очень мало извѣстна, но можетъ назваться предвѣстницею, зарею времянь лучшихъ. Это было ясное восхождение солнца; но день, за нимъ послѣдовавшій, былъ пасмуренъ и кончился совершеннымъ мракомъ. Испанію судили по двумъ, одна за другою послѣдовавшимъ, революціямъ, о коихъ говорить здѣсь не мѣсто. Большая часть литераторовъ обратили тогда вниманіе на полишику, и всѣ, или почти всѣ, погибли въ ея волнахъ. Слѣдствія сего были гибельны для нравственнаго образованія націи. Многіе величественныя кедръ Испанской Литературы были вырваны съ корнемъ; многіе цвѣты, едва распускавшіеся, запопшаны. Надѣмся, что нѣкоторые, уцѣлѣвъ, въ шини разцвѣтутъ и принесутъ прекрасный плодъ.

Испанія въ отношеніи къ наукамъ произвела очень мало; однако Англія, столь справедливо гордящаяся своими морскими свѣденіями, сознается, что между первыми книгами, изъ коихъ Британскіе мореходцы научились, должны сстоять сочи-

ненія Испанца Мендозы. Испанія ранѣе всѣхъ другихъ земель имѣла полный, безошибочный, на основаніяхъ науки система-тически расположенный, апласъ своихъ береговъ и гаваней. Да и какъ утверждать, что будто для общаго образованія чело-вѣчества ничего не сдѣлала нація, ко-торая шаръ земный пополнила цѣлымъ ма-терикомъ Америки съ ея безчисленными островами и уже симъ однимъ дѣйстви-емъ оказала неоцѣнимо важное пособіе все-мірному просвѣщенію?

Недостатокъ ученыхъ въ Испаніи за-виситъ главнымъ образомъ отъ совершен-наго недостатка ученыхъ средствъ и по-собій. Нельзя повѣрить, съ какими затруд-неніями сопряжено въ ней методическое об-разованіе; какіе труды поднимаются въ пишинѣ, въ безвѣстности, и, отъ недо-статка средствъ и свободы сообщенія, умираютъ вмѣстѣ съ авторами. Почти во всякомъ значительномъ мѣстѣ, часто въ малѣйшихъ деревнишкахъ, есть люди, обыкновенно аптекари, лѣкаря или спряч-чіе, кои занимаются собираніемъ ученыхъ сокровищъ и могутъ давать неожиданныя

объясненіи и свѣденіи. Это такъ вѣрно, что многіе путешественники, какъ замѣчаетъ Лабордъ, имѣютъ обыкновеніе въ каждомъ мѣстечкѣ спрашивать *hombre sabio* (мудреца, умника). Я самъ часто былъ свидѣтелемъ, какъ ученые люди собирались, хотя со страхомъ и предосторожностію, и разсуждали о разныхъ предметахъ такъ поучительно, что въ другихъ земляхъ сіи разсужденія были бы непременно помѣщены въ журналахъ. Но при мнѣ также, любопытныя записки, по смерти одного весьма ученаго аптекаря, содержавшія его ботаническія и земледѣльческія наблюденія и опыты, были отчасти проданы вдовою его, какъ негодная бумага, отчасти изорваны дѣтьми на игрушки. Думать о томъ, чтобы труды ученые употребить какъ денежное пособіе, было бы бесполезно. Списокъ путешествія знаменитаго Абади въ Мексику едва нашелъ покупателя въ Кадиксѣ за 20 гульденовъ. Такимъ образомъ множеству рукописей и рисунковъ оспались въ неизвѣстности или совсѣмъ затерялись. Это случилось съ нѣкоторой частью мѣдныхъ уже награвированныхъ досокъ, принадлежавшихъ къ сочиненіямъ о Естественной Исторіи знаменитаго Каванильеса; та же

участіе поспигла и доски, назначенныя для весьма полезнаго и многотруднаго Орнитоологическаго Лексикона, изданнаго въ 790 году. На щедрость Правительства мало надежды: естественныиспытатель Муписъ, проведеншій 40 лѣтъ въ сѣняхъ и лѣсахъ Америки, къ югу отъ Панамскаго Перешейка лежащихъ, представилъ свои собранія и рукописи Фердинанду VII, равно какъ знаменитый Рохасъ-Клементе, столь извѣстный своими изысканіями о виноградникахъ въ Королевствѣ Гренадскомъ; но сіи рукописи сдѣлающся добычею гнили, доспанутся въ снѣдъ червямъ, если какой нибудь любознательный Англичанинъ или Сѣверо-Американецъ не купитъ ихъ. Впрочемъ не одно Испанское Правительство должно винить, что множество рукописей скрывается въ архивахъ, (хотя великая часть ихъ испреблена пламенемъ и революціями); ибо и въ прочихъ Европейскихъ государствахъ завистливо хранятся драгоценныя рѣдкости, которыя никакой пользы не приносятъ. Иногда и въ Испаніи изъ сего правила были достохвальныя исключенія, что доказывается путешествіями Гумбольдта; однакожъ сія нерадивость или лучше ска-

зашь необщительность разпространилась
опчаспи и на частныхъ людей; что не рѣд-
ко напоминало мнѣ волшебника Фитона,
въ Эрсиллиной Арауканъ, копорый, имѣя у
себя въ пещерѣ насоящій микрокоспъ,
не пускалъ никого въ свое жилище.

(окончаніе слѣдуетъ.)

V.

НОВОСТИ

ИНОСТРАННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

7 (A)

НѢМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

— Das Recht des Besitzes. Eine civilistische
Abhandlung von Dr. Friedrich Carl von Savigny.
Fünfte vermehrte und verbesserte Auflage. Gießen,
1827. (Право Владѣнія. Трактатъ изъ Права
Частнаго Гражданскаго, соч. Доктора Фридриха
Карла фон - Савиньи. Изданіе пятое, улучшен-
ное и умноженное. Гиссенъ, 1827).

Славное имя Савиньи давно уже извѣстно
и въ Россіи, и даже нѣкоторые изъ нашихъ со-
отечественниковъ, хотя весьма нелѣпо, печат-
но изъявляли желаніе, чшобъ Исторія Римскаго
Права, имъ сочиненная, введена была учебной
книгой въ нашихъ Университетахъ. Въ Германіи,
Франціи и въ Шотландіи Г. Савиньи имѣетъ

многочисленныхъ послѣдователей на поприщѣ Римскаго Права. Въ Россіи труды редакціи законодательства совершаются по системѣ сего знаменитаго Романиста-Юриспрудента. Г. Савиньи принадлежитъ къ первѣйшимъ вождямъ такъ называемой юридико-исторической школы, хотя, по мнѣнію нѣкоторыхъ Германцевъ, его не лзя почесть основателемъ оной безъ нарушенія справедливости къ Гусшаву Гуго, Шлёссеру, и даже Гобольду, который былъ товарищемъ его на семъ поприщѣ. Между тѣмъ онъ первый далъ названіе Историческихъ Юриспрудентовъ себѣ и своимъ сподвижникамъ, руководимый, можешь быть, внутреннимъ сознаніемъ, что онъ представляеть въ себѣ чистѣйшее выраженіе новаго направленія юриспруденціи.

Г. Савиньи родился 1779 года въ Франкфуртѣ на Майнѣ. По окончаніи своего академическаго ученія подъ руководствомъ Гуго и Вейсса и по полученіи на 22 году Докторской степени, онъ имѣлъ счастливыя внѣшнія обстоятельства для обширнаго и глубокаго приготовленія къ званію преподавателя. Проведши нѣсколько лѣтъ въ путешествіи по Германіи, Франціи и Верхней Италіи для изысканія и собранія неизвѣстныхъ или не столько испытанныхъ, сколько бы надлежало, памятниковъ Римскаго Права и Исторіи его Литературы, онъ возвратился въ Марбургъ съ богатою добычей, гдѣ и получилъ мѣсто Профессора Правъ. Здѣсь-то написалъ онъ (1803) превосходный трактатъ: *Право Владѣнія*. Въ 1808 году онъ призванъ на профессорскую кафедру въ Ландсгутъ и наконецъ въ 1810 году

въ новооткрытый Берлинскій Университетъ, гдѣ до сихъ поръ продолжаетъ преподаваніе Римскаго права и пользуется славой опличнаго Профессора. Его лекціи, въ особенности объ Инстипуціяхъ въ соединеніи съ Исторіей Римскаго Права и о Пандексахъ, своею чрезвычайно ясностію, точностію и чистотою выраженія, равномерно матеріальнымъ богатствомъ, привлекаютъ къ себѣ множество слушателей, между коими есть Русскіе молодые юристы а).

Неуваженіе Г. Савиньи къ философическому направленію юриспруденціи, его парадоксальныя начала, не заключающіяся ни въ разумъ ни въ произволъ человѣческомъ, его сознаніе невѣдомаго инстинктуальнаго начала положительныхъ законовъ въ природѣ человѣческой, мало помалу образовали противъ него нападательную партію такъ названныхъ имъ неисторическихъ юриспрудентовъ, которые сами себя именуютъ юриспрудентами философскаго направленія и безмысленной исторической буквѣ прошивупоспавляютъ живое сознаніе высшихъ законовъ, по коимъ развивается въ мірѣ свобода и необходимость человѣческаго дѣйствованія, Историческая школа поспавила цѣлію, отъ частныхъ признаковъ восходитъ къ понятію, но не прежде, какъ приведши въ извѣстность весь объемъ сего понятія, разсѣянаго въ существующихъ памятникахъ

- а) Къ чести Русскихъ учебныхъ заведеній, наши оплачивающіе юридическими талантами и обширными свѣдѣніями даже предъ самыми Нѣмцами. . . Оплаченный опзывъ объ нихъ самаго Г. Савиньи даетъ надежду, что и въ Россіи скоро будутъ юриспруденцію практиковать не какъ ремесло, а какъ науку.

древности: кодексахъ, рукописяхъ и въ обычаяхъ Римско - Германской юриспруденціи; на прошивъ философическая школа, не опровергая законности историческаго направленія, считаешь истиннымъ знаніемъ то, чѣмъ идею правды опредѣлишь въ понятіяхъ, и отсюда уже нисходитъ къ открытію умоузнавательности въ великихъ формахъ, сброшенныхъ гениемъ човѣчества, вѣчно юнымъ и дѣшательнымъ. Юридическія мечты Юриспрудентовъ Тибо, Фейербаха, Шмида, Гейнера, Пфейфера и другихъ о сооруженіи всеобщаго Германскаго Кодекса возбудили жаркое прошивудѣйствіе Савиньи и заставили его выразить философію, или почтѣе, духъ Историко - Юридической школы въ извѣстномъ сочиненіи: *Призваніе нашего времени къ Законодательству и Правовѣденію*. Убѣдительно доказавъ превосходство Римской юриспруденціи предъ новѣйшею, и что редакторы даже Французскаго Кодекса были только дилеттанты, а Римскіе — мастера своего дѣла, онъ говоритъ: „не букву, а духъ мы будемъ изучать (въ памятникахъ законодательства); но духа не можемъ видѣть нигдѣ, развѣ въ древней буквѣ.“ Вѣрный своему индуктивному способу мышленія не заключаешь, доколѣ не истощаешься всѣмъ возрѣніемъ на заданный предметъ — онъ издалъ *Исторію Римскаго Права въ средніе вѣки* (6 томовъ съ 1815 — 1830), которую скоро обрашили въ шипло его юридической славы. Сіе сочиненіе, которое надлежало бы называть исторіей буквы Римскаго Права, есть великая программа будущихъ трудовъ Историко - Юридической школы. Сіе сочиненіе и

журналъ, издаваемый имъ съ 1815 года: *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*, говоря не исторически, полезны только въ сочиненіяхъ философической школы — своею обширною криптикою и ученостію. Факты ихъ имѣютъ высокое достоинство, когда прививается къ нимъ философическая идея гражданственности. Нѣкоторые спашь Г. Савиньи такъ хороши, что самъ Гизо не преминулъ воспользоваться ими въ своихъ превосходныхъ лекціяхъ — показавъ, какъ водился, недоспашки автора а genere, а specie, а causa formali, а causa finali et caet., однакожь тщательно скрывъ, что еслибъ не писалъ о семъ Г. Савиньи, то лекціи его самого не имѣли бы прекраснаго эпизода de colonis tributariis, adscriptitis, et caet. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ заслуженной славы Г. Савиньи служить то, что самые противники признаютъ въ немъ рѣдкую ученость, великое соображеніе, остроумную криптику и при семъ необыкновенное изящество выраженія въ такомъ предметѣ, кошорый до сихъ поръ наименѣе покорялся пребываніямъ вкуса.

Оставивъ до другаго времени разборъ Исторіи Римскаго Права въ средніе вѣки, займемся его пракшомъ о *Правѣ Владѣнія*, на кошорый писано столько полныхъ рецензій, между прочими ГГ. Тибо и Дерминье, но кошорыхъ мы не имѣемъ подъ руками. При первомъ взглядѣ сей пракшѣ обнаруживаешь предчувствіе автора, что Гордіевъ узелъ Римской Юриспруденціи заключается въ теоріи владѣнія, кошорая, какъ видно изъ литературы сей спашь, не одинъ

разъ приводила въ отчаяніе посѣдѣвшихъ за судейскимъ столомъ и на кафедрѣ ученыхъ Романистовъ. Всѣ запутанности, всѣ трудности сходясь въ сей центральный пунктъ Частнаго Гражданскаго Права, такъ что нѣкоторые, отчаявшись въ успѣхъ своихъ изслѣдованій, посягнули противъ логической чести Римской Юриспруденціи. Между тѣмъ весь цвѣтъ Римской Юриспруденціи заключается въ сей непреступной теоріи. Г. Савиньи въ пылу молодости, какъ бы забывъ на время уроки Исторической школы, взялся выработать отсюда высшее начало для системы Частнаго Права, и изъ разбросанныхъ обломковъ Юстиниановыхъ Пандектъ пославилъ на ноги давнишнюю Цицероновскую мысль, что Римское Право есть *разумъ въ письменахъ*. Характеръ спашьи изобличаетъ въ авторѣ не столько историческій, сколько эдзегетическій талантъ и непонятную отважность обойтись безъ философіи тамъ, гдѣ сами Римскіе юристы, составляющіе предметъ его благовѣрія, начинаютъ свои сужденія съ внутреннѣйшихъ и ошвлеченнѣйшихъ началъ права. Изчерпавъ горстью эту бездну понятія *гладѣніе*, эшо вездѣсущее юриспруденціи, неудовимое, неопредѣленное — право вездѣ и нигдѣ — есть дерзновенная мысль для исключительно историческаго юриспрудента! Между тѣмъ Савиньи, отбросивъ всѣ философскіе снаряды такъ называемыхъ высшихъ взглядовъ, однимъ изолированнымъ соображеніемъ рѣшилъ извѣлпать спашую въ честь Римскихъ юриспрудентовъ, сочинивъ изъ ихъ видимыхъ противоположностей фizioномію, выражающую единство въ разнообразіи.

разіи. Это памятникъ пластической философіи Права въ началѣ XIX вѣка.

Понятіе Владѣнія. Сколь ни различны опредѣленія *владѣнія*, но всѣ согласны по крайней мѣрѣ въ томъ, что владѣніе есть такое состояніе, по которому возможно не только физически дѣйствовать на вещь, но и опеклонять отъ ней всякое чуждое дѣйствіе. Сіе состояніе есть удержаніе вещи, служащее субстратомъ владѣнія; но находясь внѣ понятія владѣнія или предшесвуя владѣнію, оно не имѣетъ юридическаго характера до тѣхъ поръ, покуда не приметъ дальнѣйшаго опредѣленія, которое и даетъ ему мѣсто въ законодательствѣ. Но какимъ образомъ удержаніе становится владѣніемъ — при переходѣ ли въ собственность, или по другимъ какимъ либо основаніямъ? Безъ сомнѣнія, кто имѣетъ собственность, тотъ имѣетъ право владѣть ею, т. е. дѣйствовать на нее по произволу и исключать отъ шого другихъ. Здѣсь владѣніе есть слѣдствіе собственности; но въ семъ случаѣ потерялась бы самостоятельность владѣнія, и всякое разсужденіе объ немъ было бы излишне, развѣ въ предѣлахъ права собственности. Римское ученіе противъ сего понятія! Оно разсматриваетъ владѣніе, какъ нѣчто отдѣльное отъ собственности: „владѣніе и собственность не имѣютъ ничего общаго“. Владѣніе, будучи принимаемо самостоятельнымъ, не иначе входитъ въ область юридическихъ предметовъ, какъ съ характеромъ, юридическимъ, т. е. что оно или само есть право или только условіе правъ. Г. Савиньи не иначе допускаетъ его въ законодательство, какъ въ качествѣ условія правъ: на

что ему опивъспвуютъ, что, если оно есть условіе правъ, то какое же условіе; оно должно быть опредѣлено; таковы бывають на примѣръ купля, продажа, наемъ? Но это такія отношенія жизни, кои въ самой сущности своей носятъ уже юридическое сѣмя и суть не условія, а явленія права въ дѣйствительности. Здѣсь право — не слѣдствіе, а условіе факта продажъ, найма и проч. Хотѣлъ ли онъ разумѣть подъ условіемъ поводъ къ юридическому отношенію, произшествіе, не имѣющее въ себѣ ничего юридическаго, но только могущее быть юридическимъ? Но тогда какой обширный объемъ будетъ имѣть система права, ибо что не можетъ сдѣлаться юридическимъ въ семъ смыслѣ? Смерть гражданина, сама въ себѣ ни чуть не есть юридическое явленіе, но бываетъ таковымъ, подъ условіемъ оспавшихся долговъ, малолѣтнихъ и ш. п. Инакъ владѣніе, вклячая въ себѣ нѣчто больше противъ физическаго явленія, не есть уже условіе правъ, а само въ себѣ право. Терминъ *условіе* не удаченъ!! Савиньи продолжаетъ: поелику владѣніе есть условіе правъ, то соединенное съ нимъ право должно называться не *jus possidendi* (какъ апприбутъ собственности), а *jus possessionis*, т. е. право, происходящее отъ владѣнія, что и составляетъ предметъ сего практаша.

Понятіе владѣнія есть или формальное или матеріальное. *Формальное* представляетъ права, служащія слѣдствіемъ владѣнія и переходъ его — какимъ образомъ изъ неюридическаго понятія удержанія слѣдуетъ юридическое понятіе владѣнія. *Матеріальное* изчисляетъ условія, въ которыхъ Римское Право признаетъ характеръ вла-

дѣнія — положительныя видозмѣненія, при коихъ удержаніе является владѣніемъ. Формальное понятіе содержишь: 1) какое мѣсто даюшъ владѣнію въ системѣ Частнаго Права, какія оно имѣетъ слѣдствія, и какое существуетъ основаніе опличать его отъ собственности; 2) въ какихъ видахъ является владѣніе, отъ коихъ зависить судьба его правомѣрныхъ послѣдствій. Довольно трудно уловить мысль Г. Савиньи въ семь дѣленій понятія, ибо она не подходитъ подъ логическія правила таковыхъ дѣленій. Но нашему, такъ слѣдовало раздѣлишь: понятіе владѣнія подлежащее — существенныя признаки его; понятіе владѣнія подлежащее (реальное, матеріальное) — виды (индивидуалы) дѣйствительнаго владѣнія.

Владѣніе, будучи опвлечено отъ собственности, имѣетъ только два послѣдствія: завладѣніе (*usucapio*) и интердиктъ. *Завладѣніе* основывается на правилѣ XII табб. въ силу котораго „кто провладѣлъ вещью одинъ или два года (въ движимыхъ или недвижимыхъ), дѣлается ея хозяиномъ независимо отъ права.“ Ипакъ владѣніе, хотя подъ условіемъ опредѣленнаго законами начальнаго момента, но все будучи только фактомъ, обращается въ собственность. Изъ завладѣнія возникла *давность* 3, 10, 20, 30-лѣтняя, какъ отводъ противъ иска вещи (*vindicatio rei*). Второе дѣйствіе владѣнія есть *владѣльческій интердиктъ* (*interdictum possessorium*). Поелику владѣніе не есть право, а просто фактъ, то нарушеніе его не можешь быть неправомъ (*iniureft*); между тѣмъ Римское Право защищаетъ

его отъ нарушителей интердиктомъ. На какомъ основаніи? Ежели интердиктъ имѣетъ законность, то она происходитъ отъ нарушенія права. Ишакъ какое же нарушено право насильственнымъ отнятіемъ владѣемой вещи? Савиньи говоритъ, что здѣсь нарушено право формальное, а не матеріальное. Формальное нарушеніе состоитъ въ неправомъ искѣ самаго права — самоуправствѣ. Если такъ, то интердиктъ защищаетъ собственно не владѣніе, публичные права правительсва, противъ чего въ средніе вѣки и придуманъ актъ, называемый *summariissimum*. Но въ поже время Г. Савиньи допускаетъ, что самое насиліе нарушаетъ право личности, слѣд. допускаетъ нѣчто матеріальное въ семъ неправѣ, и въ дополненіе прибавляетъ, что основаніемъ интердикта можешь быть и то, что законъ въ владѣльцѣ вещи предполагаетъ хозяина вещи. На которомъ изъ сихъ основаній остановишься? Назвавши разъ неправо формальнымъ, онъ не долженъ былъ зашениать его матеріальностію. При томъ ежели интердиктъ основывается на предположеніи собственности, то какъ не признашь его слѣдствиемъ собственности? Гдѣжь самобытность владѣнія?

Владѣніе есть фактъ, но какъ онъ по праву защищается интердиктомъ, то нѣтъ ли высшаго основанія сему защищенію? — Оскорбляется личность, оскорбляется матеріально — въ духѣ и телѣ. Савиньи опшсупилъ отъ Римской дефиниціи владѣнія и — вопъ необходимость прибѣгать къ различнымъ основаніямъ интердикта. У Римлянъ при всѣхъ видоизмѣненіяхъ бытъ владѣ-

нія утверждается на двухъ матеріальныхъ почкахъ вѣшняго дѣйствія: въ подвижныхъ — *взятіи рукою*, въ недвижимыхъ — *стояніи ногою*. Это первофактъ владѣнія, съ коего Римскіе юриспы ведутъ постепенное расширеніе матеріальнаго элемента владѣнія. Вещь была ничто, но когда я спалъ на нее ногою, она принимаетъ новый характеръ и дѣлается моимъ подножіемъ — понятіе совершенно соотносительное; ни вещь безъ лица, ни лицо безъ вещи, не могутъ быть предспавлены. Вещи получаютъ характеръ священный и неприкосновенный, не попому чпобъ въ нихъ было нѣчто подобное сему — въ нихъ нѣтъ ничего субстанціальнаго; только чловѣкъ существомъ своимъ вливаетъ въ нихъ дыханіе юридической жизни, и съ сихъ поръ начинается въ нихъ сіяшъ характеръ личности. Будучи уподобляемы чловѣческой природѣ (*assimilatae*), онѣ составляютъ объективную сторону самаго чловѣка и въ семъ отношеніи ихъ можно сравнивать съ лицами, ума лишенными (*mente cariti*). Сія объективность яснѣе выражается въ совокупности или цѣлости того, что мы называемъ *своимъ*; „*Haereditas jacens personam defuncti sustinet.*“ Римскіе юриспы, не зная системы пождествъ матеріи и духа, оставленное наслѣдство называють *чловѣкомъ*: „здесь лежитъ Тицій.“ Удивительное дѣло!! Наслѣдство пріобрѣтаетъ (*haereditas acquirit*) наравнѣ съ сумасшедшими — всячески пріобрѣтаетъ, только не обязательствомъ, не контрактами; ибо въ сихъ правахъ непременно пребуется субъектъ — воля. Оно называется лицомъ юридическимъ. Но перейдемъ

къ иншердикшу. Если владѣніе въ перво-фактѣ своемъ означало держаніе рукою, или споланіе по-гою, то и иншердикшъ долженъ имѣть своимъ основаніемъ также нѣчто просшѣйшее. Вообразимъ, что у Тиціа хопяшъ опняшъ владѣніе вещи; какой характеръ получишъ поступокъ нарушилеля? Въ то время, какъ онъ опнимаешъ вещь, не долженъ ли дать Тицію толчекъ, чтобъ опрѣшитъ опъ него сію вещь и сдѣлать ее своею? Не значитъ ли эшо урѣзать часшъ шѣла, на которое каждый имѣешъ безусловное право владѣнія? Конечная цѣль владѣнія естъ потребление, а потребление естъ не что иное какъ прешвореніе вещи въ личностъ человѣка, въ сокъ и кровь его. Употребленіе пищи едвали не естъ высшая пощенція владѣнія, за кошорой нѣтъ ничего, кромѣ личности человѣка. Ипакъ иншердикшъ въ существенномъ его основаніи естъ защищеніе личности, слѣд. защищеніе права безусловнаго, и естъ тождественъ съ правомъ само-сохраненія, кошорое, сдѣлавшись положительнымъ, обратидось въ подлежательный законъ „*vim fieri veto*.“ Нашурально, чѣмъ далѣе вещь опъ личности, тѣмъ менѣе потребностей иншердикша очевидна, и наконецъ самъ онъ превращаетъ въ гражданскій искъ собственности. По моему мнѣнію шощъ не ошибется въ изъясненіи Римскаго положенія, кшо начнешъ объясненіе его съ грубѣйшаго элемента; ибо Римскій умъ естъ въ высшей степени историческій, хозяйственный умъ. Не принимашъ въ себя ничего чуждаго безъ прешворенія въ Римское естъ главное правило ихъ юриспруденціи. По сему шѣ

весьма ошибающся, которые вносятъ высшій взглядъ въ изъясненіе законности интердикта: „опишіемъ владѣнія нарушаются законы воли, или владѣніе есть субъективная собственность, покровительствуемая публичнымъ правомъ.“ Г. Савиньи не исторически смотрѣлъ на сей предметъ; онъ даже владѣніе почелъ техническимъ правомъ въ Римской Исторіи. Нѣкоторые, основываясь на томъ, что владѣніе есть начало собственности, или тѣнь собственности, интердиктъ принимаютъ временнымъ или предварительнымъ искомъ собственности. Несправедливость сего мнѣнія объяснилась въ своемъ мѣстѣ.

Савиньи утверждаетъ, что кромѣ завладѣнія и интердикта нѣтъ другихъ слѣдствій владѣнія; противъ сего возражающъ, что въ *занятіи* и *передачѣ* владѣніе доставляетъ собственность. Но здѣсь собственность основывается владѣніе, а не на оборотъ. Еще возражающъ, что *Публиціево дѣло* соединено съ слѣдствіемъ, которое ведетъ къ завладѣнію и давности; но, какъ Савиньи объясняетъ, и здѣсь владѣніе есть слѣдствіе собственности. А добросовѣстное владѣніе даетъ право на плоды? Но и плоды суть Публиціева собственность, относящаяся къ праву приращенія. Но владѣлецъ въ спорѣ при равныхъ правахъ имѣетъ преимущество предъ невладѣльцемъ (*beati possidentes*)? И это право принадлежитъ владѣнію исключительно, а общае съ удержаніемъ. Но владѣлецъ можетъ опрашивать силу силою? И здѣсь основаніемъ служишь не владѣніе, а публичное право самосохраненія, общее съ удержаніемъ, и принадлежащъ къ пра-

ву уголовному *vim legis veto*. А право удержанія? но это обще пѣтъ, кои вовсе не имѣютъ юридическаго владѣнія. Ипакъ владѣніе имѣетъ только два правомѣрныхъ слѣдствія: завладѣніе и инштердиктъ.

Послѣ сего продолжаетъ Г. Савиньи, не спрудно рѣшить вопросъ: что значить владѣніе — право, или фактъ? Если право, то къ какому разряду правъ его должно отнести? Рѣшить можешъ бытъ неспрудно; но я предувѣдомляю читашеля, что вопросъ касается внутренней и важнѣйшей спороны, какая только есть въ пониманіи владѣнія. Есть пункты въ каждомъ предметѣ, гдѣ философъ и нефилософъ, равно принуждены мыслишь, философствовашъ, и шѣ, копорые издѣваются надъ усиліями ума отккрышь безусловное начало вѣденія и бытія, симъ обнаруживающъ только то, что въ нихъ не доснаетъ благороднѣйшихъ попребностей духа. Прикованные къ явленіямъ, они съ своими мыслями увлекающъ пошоломъ сихъ явленій, тогда какъ мыслишель, изпоргая себя изъ обласпи преходящаго, возношсь къ вѣчному началу и удерживаетъ достоинство духа, сознающаго свою вѣчную природу. Чшобъ представить поразительнѣе необходимость мысли, я приведу Гегеля и Савиньи, каждаго начинающимъ свою науку. Одинъ ищешъ основанія для философіи, другой для права владѣнія, весьма обширнаго въ своихъ послѣдствіяхъ. Извѣстно, что Гегель есть одинъ изъ опважнѣйшихъ мыслишель, въ копоромъ шакъ называемая философическая мечпательность достигаетъ своего зенита, а Савиньи

есть врагъ всякой ошвлеченной дѣятельности духа — выражающіе собою два полюса Европейской мысли.

„Абсолютная истина“ — говоритъ Гегель а) — „есть чистое вѣденіе; чистое вѣденіе есть достовѣрность, сдѣлавшаяся истинною, достовѣрность, которой не противуположенъ болѣе предметъ, но которая сдѣлала его внушреннымъ для себя и знаетъ его такъ, какъ саму себя. Чистое вѣденіе въ семъ единствѣ достовѣрности и предмета есть простая непосредственность; которая въ настоящемъ ея выраженіи есть чистое бытіе, бытіе и больше ничего — безъ всякаго дальнѣйшаго опредѣленія и наполненія. Возрѣніе на понятіе чистаго вѣденія есть основаніе, изъ котораго исходитъ бытіе, для того, чтобы сдѣлаться началомъ абсолютной науки, или на оборотъ: начало абсолютной науки, должно быть также абсолютнымъ началомъ; оно не должно ничего выше себя предполагать. Въ философіи нѣтъ еще ничего, кромѣ чистаго бытія, какъ начала. Въ семъ выраженіи, какъ *начала*, чистая непосредственность есть нѣчто конкретное, слѣд. его можно развить аналитически, дабы видѣть, къ чему оно поведетъ. Нѣтъ еще ничего кромѣ сего начала, и должно смотрѣть, что оно такое. Оно есть ничто, но такое ничто, изъ котораго произойдетъ нѣчто. Итакъ начало содержитъ въ себѣ бытіе и ничто: оно есть единство бытія и ничтожества, или, есть небытіе, которое вмѣстѣ и бытіе. Далѣе. Истинность бытія и ничтожества есть движеніе непосредственнаго

а) Wissenschaft der Logik. B. 1. Das Sein.

изчезанія одного въ другомъ — *daß Werden* (бываемость — производимость). Опреѣленное бышіе есть бытіе (*daß Daseyn*), какъ результатъ производимости, надшій въ предѣлы пространства и времени.“ Теперь посмотриімъ приложеніе сего ничтожно-сущаго начала у Гегеля къ правовѣденію, и именно къ владѣнію. „Почва права есть воля кошорая имѣетъ двѣ стороны. Всеобщность, неопреѣленность, безконечность, и, въ то же время, особность, бытіе, конечность, произволь. Бытіе свободной воли есть *право*. Лице должно предоставитъ себѣ внѣшнюю сферу свободы, для того чтобъ бытіе идеей. Сія сфера внѣшняго осуществленія отдѣльна отъ безконечной, въ себѣ и про себя существующей, воли въ ея первоначальномъ отвлеченномъ состояніи — какъ нѣчто непосредственно отличное. Непосредственно отличное отъ свободнаго духа есть вообще внѣшнее само по себѣ и про себя — вещь, не свободное, безличное, безправое. Лице имѣетъ право вложитъ свою волю въ каждую вещь, кошорая по сему дѣлается *моею*, для ея субстанціальной цѣли, поелику она не имѣетъ ее въ самой себѣ и одушевляется только моею волею. Удержаніе чего-либо внѣшнею силою есть *владѣніе*; равноѣрно особенная сторона вещи, ш. е. то, что я дѣлаю ее моею для естественныхъ потребностей, побужденій и произвола, составляетъ интересъ владѣнія. Но та сторона, въ кошорой я, какъ свободная воля во владѣніи, становлюсь прележательной и вмѣстѣ съ симъ дѣйствительной волей, составляетъ истинное и правое опреѣленіе собственности. Какъ лице, я есмь

непосредственно недѣлимое, ш. е. я живу въ органическомъ шѣлѣ, которое служить реальною возможностью дальнѣйшаго опредѣленія моего всеобщаго, нераздѣльнаго бытія. Какъ лицо я, имѣя мою жизнь и тѣло, и мѣю ихъ наравнѣ съ другими вещами, доколѣ на то есть моя воля. Тѣло, какъ непосредственный бытъ, несоразмѣрно духу; чтобъ бытъ ему усерднымъ органомъ и одушевленнымъ средствомъ, духъ долженъ овладѣть имъ; но для другихъ я существенно свободенъ въ моемъ шѣлѣ. Въ отношеніи моемъ ко внѣшнимъ вещамъ заключается умозаменательность моего владѣнія собственностью. Для собственности, какъ быша личности, недостижимо моего внутреннего представленія и воли, а пребуется для сего взятіе (apprehensio, Besitzergreifung). Бытъ оной воли заключаешъ въ себѣ признанность для другихъ; посему владѣніе должно чувственно выражапсь частію шѣлеснымъ взятіемъ, частію образованіемъ, частію простымъ обозначеніемъ.“ Вошъ Гегелевъ выводъ владѣнія!! Гегель, какъ видно, не имѣлъ раздѣльнаго понятія о Римскомъ владѣніи, и потому проблематическіе пункты владѣнія у него оспавлены безъ объясненія.

Гансъ, послѣдовашель Гегеля, такъ выражается о юридическомъ значеніи владѣнія: „Владѣніе есть начинающаяся собственность; оно лежитъ на пупи къ собственности, есть фактъ, изъ котораго должна произойти собственность. Сіе бываешъ слѣдующимъ образомъ: если взятіе вещи происходишъ со стороны индивидуальной воли, то здѣсь только владѣніе — собственность субъективная; если же напрошивъ со

сторонѣ всеобщей воли — (Гансъ разумѣеть здѣсь *justam causam*) ; — то здѣсь владѣніе управомочиваетъ и переходить въ собственность дѣйствительную, объективную.“ Профессоръ Пухта, издѣвался надъ ученіемъ Ганса, влагаеъ ему въ уста слѣдующія объясненія: „Владѣніе, разсмаприваемое юридически, есть ничто, но такое ничто, изъ котораго выходитъ нѣчто, настоящее, въ которомъ сокрыто будущее, бышіе въ себѣ, которое въ будущемъ ожидаетъ бышіе внѣ себя — иначебышіе (*Unger'sch*).“ Но Гансъ, утвердившись на томъ, что владѣніе есть собственность по признанію индивидуальной воли, симиъ выразилъ только *владѣніе естественное* — одинъ видъ владѣнія. Основавшись на томъ, что владѣніе не есть просто собственность, а начинающаяся собственность, поставилъ его въ разрядъ правъ въ вещи. Первымъ положеніемъ онъ погрѣшилъ противъ Римскаго права, вторымъ противъ своей философіи, смѣшавъ чистое бытіе съ определеннымъ бытіемъ. Но сія послѣдняя произошла, кажется, изъ предосудительной спраски во всемъ поперечить Г. Савиньи, который, какъ мы увидимъ, гораздо лучше его выполнилъ требованія Гегелевой Философіи. Противъ объясненія Ганса весьма забавно возразилъ Профессоръ Пухта: „Если владѣніе по Гансу есть ничто, то я не понимаю, что заставило его поставить сіе юридическое отношеніе въ разрядъ права вещественнаго. Ничто такая вещь, которая имѣетъ привилегію спать, гдѣ ему угодно; ему вездѣ хорошо, ни кого оно ни погрѣшитъ и ни у кого не ошобѣетъ мѣста!“ Кромѣ Ганса, Дюрра, Швепле, Мюленбрухъ, Гутго и другіе, владѣніе называютъ правомъ въ вещи;

но симъ владѣніе не ошлнчается ошъ собствен-
ности, между тѣмъ какъ Римское право рѣши-
тельно ихъ различаетъ.

Посмотримъ какъ понимаетъ владѣніе самъ
Г. Савиньи и позднѣйшій о семъ писатель Про-
фессоръ Пухта а).

„§ 5. Владѣніе само по себѣ есть фактъ,
но съ симъ фактомъ соединены правомѣрные по-
слѣдствія: владѣніе въ одно и тоже время и
фактъ и право. L. I. § 3. de poss. Eam enim
rem (possessionem) facti non juris esse. L. XIX. Pos-
sessio plurimum facti habet... Possessio non tantum
facti quam juris est.“

И фактъ и право? Сія эмпирическая,
конкретная формула юриспруденціи не соот-
вѣтствуетъ ли Гегелеву положенію: истин-
ность бытія и ничтожества есть движеніе не
посредственнаго изчезанія одного въ другомъ,
состояніе творенія собственности — *daß Werden?*
И Гансъ, вѣроятно того же мнѣнія, но разо-
борствуя противъ Савиньи, промахнулся, пос-
тавивъ владѣніе въ разрядъ права веществен-
ныхъ. Къ какому разряду правъ принадлежитъ
владѣніе? Владѣніе, взятое само по себѣ, ошле-
чено ошъ своихъ послѣдствій, ш. е. не перешед-
ши въ определенное бытіе, есть фактъ, а не
право, слѣд. не принадлежитъ ни къ какому
разряду правъ; но какъ скоро владѣніе обра-
щается въ завладѣніе (*usucapio*) и интердиктъ,
то сшадовишься правомъ и занимаешь уже опре-
дѣленное мѣсто. Поелику въ завладѣніи оно ле-
житъ основаніемъ *justa causa*, ш. е. переходитъ

*) Rheinische Museum für Jurisprudenz. Drit. Jahrgg.
Dressd. Heft, 305.

въ собственность, какъ непремѣнное послѣдствіе
самаго себя, то безспорно, владѣніе падаетъ въ
разрядъ права вещества. Поелику же основаніемъ
интердикта служитъ не самое владѣніе (ибо
оно еще фактъ, а насильство противъ лица,
и въ слѣдствіе сего образуетъ обязанность изъ
просупка (*obligatio ex maleficijs*), то владѣніе па-
даетъ въ область права обязательствъ. Превосход-
но! Только нужно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: Г.
Савиньи полагаетъ, что владѣніе, произведши ин-
тердиктъ, дѣлается правомъ; но въ чемъ это
право? Что владѣніе обращается въ собствен-
ность? но это не правда. Что владѣніе перехо-
дитъ въ обязательство? но основаніе сего обя-
зательства есть не владѣніе, а личность. На-
сильно завладѣвшій защищается интердиктомъ,
но и послѣ сего онъ не перестаетъ быть насиль-
но владѣющимъ; и правомъ защищаться отъ опре-
дѣленнаго насилія къ личнымъ правамъ ни чего
не прибавилось. Напротивъ здѣсь только приво-
дится въ исполненіе право, давно существующее.
Итакъ владѣніе и послѣ интердикта остается
тѣмъ же фактомъ. Г. Пухла говоритъ, что
владѣніе пошому не нашло себѣ мѣста въ си-
стемѣ права, что самая классификація права не
имѣетъ надлежащей естественности. Въ слѣд-
ствіе сего онъ предлагаетъ слѣдующій провѣтъ
классификаціи. Всѣ возможные предметы право-
мѣрной воли суть: 1) вещи, 2) дѣла, 3) лица, кои
суть а) лица внѣ насъ — рабы, дѣти, жена,
b) лица, бывшія внѣ насъ, но перешедшія въ
насъ — наследство, какъ совокупность многихъ
правъ, какъ юридическое лице, соединяющееся
съ лицомъ наследника, c) права на собственное

лице. О семъ пунктѣ подраздѣленія онъ говоритъ: „Воля наконецъ сама себѣ хочетъ быть предметомъ, чѣмъ заключается кругъ возможныхъ предметовъ покоренія. Воля хочетъ самой себя, т. е. воля хочетъ быть волею; она хочетъ признанія своей личности. Личность, будучи разсматриваема отвлеченно отъ правъ, ею осуществленныхъ, разсматривается какъ совокупность правъ. Защищеніе личности, отвлеченной отъ дѣйствительности ея правъ, есть защищеніе воли и означаетъ здѣсь право на собственное лицо. Право же личности есть 1) право состоянія (*status*) и чести, 2) право личности, отвлеченное отъ правомѣрнаго осуществленія его въ предметахъ внѣшнихъ, однакожь разсматриваемое въ отношеніи къ естественному ихъ покоренію. Таковое право на собственное лицо есть право *владѣнія*. Слѣд. предметъ права владѣнія есть собственное лицо, воля самого управомоченнаго, а импердиктъ есть защищеніе воли въ ея внутреннихъ отвлеченныхъ правахъ. Здѣсь воля обращается въ предметъ. Но спрашивается, чѣмъ будетъ оппичаться состояніе владѣнія отъ непрерывнаго состоянія личности самой по себѣ, которая при всякомъ случаѣ защищается отъ насильства. А владѣніе, производящее право завладѣнія и обращающее предметъ въ собственность, ужели ничего не прибавляетъ къ личности?

Мнѣ кажется недостаточно сказать, что владѣніе, если оно должно имѣть юридическое значеніе, есть право личности, а надлежало бы оппичить его отъ чести и другихъ личныхъ

правъ, такъ чтобы оно имѣло видовыя примѣты. Самъ Пухта говоритъ, что владѣніе есть чистая воля, но обращенная на сторону предметовъ, воля, которая ищетъ осуществить себя въ предметъ внѣшнемъ, воля, сдѣлавшаяся самой себѣ предметомъ. Посему Савини, изведши двѣ субстанціи изъ сего сословія шворимости, одну поставилъ въ правъ вещей, другую въ обязапательствахъ, и — справедливо поступилъ!! Владѣніе, неопредѣленное въ себѣ, опредѣляеиъ внѣ себя; будучи пождествомъ лица и вещи, являеиъ въ двойствѣ юридическихъ отношеній вещественномъ и обязапательномъ. Какъ бы ни было, а владѣніе все еще остаеиъ такимъ поняіемъ, о которомъ долго будутъ спорить юриспруденсты.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: что есть *possessio naturalis, civilis*, по смыслу Римской юриспруденсты? Многіе считали бесполезнымъ опредѣлить точное значеніе сихъ терминовъ подъ шѣмъ предлогомъ, что они возникли изъ общенароднаго употребленія, болѣе или менѣ произвольнаго. Но Савини, приводя ихъ къ постоянному значенію, дѣлаеиъ между ими слѣдующее различіе.

Элементъ владѣнія есть удержаніе (*detentio*, у Глоссаторовъ — ослиное удержаніе, у Ипаліанцовъ *tenuta — esse in possessione, corporaliter tenere, non possidere*). Оно не имѣетъ ничего юридического, ш. е. не производишъ ни какихъ правъ для удержавеля, на прим. раба, колониста (земля) и ш. п. Изъ удержанія владѣніе дѣлаеиъ шагъ и спановишъ *юридическимъ* владѣніемъ, которое бываеиъ двухъ родовъ: 1) владѣніе ес-

дештвенное (высшей степени), дающее право на импердикшъ и 2) владѣніе гражданское (possessio civilis), дающее право на завладѣніе (possessio ad usucapionem). Однакожь владѣніе на импердикшъ и владѣніе гражданское не суть два соподчиненные вида: первое относится къ вѣстоу на правилахъ рода къ виду. Отношеніе ихъ таково: кто владѣетъ граждански, тотъ владѣетъ и на импердикшъ; а кто владѣетъ на импердикшъ, тотъ владѣетъ юридически. Слѣд. владѣніе гражданское имѣетъ больше предикашъ, и именно *justam causam*.

(до слѣдующей книжки.)

VI

ЛѢТОПИСИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

— походы и путевыя записки, *сведенныя во время Польской кампаніи въ 1831 году. СПБ. въ типогр. Плюшара, 1832 (а).*

Нѣкоторые сочинители полагаютъ, что слово *Путевыя Записки* избавляетъ ихъ отъ всякой опшечливости; что подъ сею эгидою

а) Замѣчанія на сію книгу доставлены намъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ сей кампаніи, Изд.

можно рассказывать, судить и рдить впрямъ и поперегъ, все что ни попадется; раздавать похвалы и порицанія по произволу. Милостивые Государи, лежачаго не бьютъ; и народъ Русскій, одушевляемый примѣромъ Великаго Монарха своего, слишкомъ храбръ, слишкомъ великодушень, чтобы прибѣгать къ средствамъ его недостойнымъ. Послунокъ заблуждшихся Поляковъ уже взвѣшенъ на вѣсахъ небеснаго правосудія: многіе изъ нихъ, въ изгнаніи изъ отечества, питаются не роднымъ хлѣбомъ, трудами ихъ и на родной землѣ приобрѣщеннымъ, а милосшынею — и милосшынею иноземцевъ.

Уважая, что говоримъ, вполне раздѣляя съ каждымъ Русскимъ благородное негодованіе противъ измѣны Поляковъ въ 1830 и 1831 годахъ, удержимся отъ всѣхъ выходокъ противъ нихъ, когда дѣла ихъ должно разбирать собственно въ военномъ смыслѣ. Скажу болѣе, опцдадимъ полную справедливостъ военнымъ паданшамъ и энергіи вождя ихъ Скржинецкаго; но выфсшь пожалѣемъ, что столько достоинствъ обращено было не на прямую пользу роднаго отечества его и усыновившей его Россіи, а на подержаніе ужасной войны — войны междуусобной.

Истина есть первое условіе при описаніяхъ военныхъ дѣйствій, когда желаешь, чтобы вѣрное изложеніе оныхъ могло быть поучительно; но чтобы сдѣлать описаніе кампаніи, достойнымъ вниманія военныхъ людей, не досташочно одного желанія быть справедливымъ, необходимо сочинителю пользовался настоящими источниками

ми, всѣми матеріалами обоюдныхъ армій; и тогда записки его получаютъ достоинство *Журнала Военныхъ Дѣйствій всей Кампаніи*.

Если же, независимо отъ сихъ первыхъ условий, глубокія свѣденія автора въ военномъ ремеслѣ, при вѣрномъ топографическомъ описаніи театра войны, при изложеніи всѣхъ, иногда непредвидимыхъ, случайностей, имѣвшихъ большее или меньшее вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій, позволятъ ему украсить сочиненіе свое критическимъ разборомъ кампаніи, основаннымъ на точныхъ правилахъ искусства, тогда книга его почтется классическою, будетъ вѣрнымъ путеводителемъ не только молодымъ офицерамъ, но и опытнымъ генераламъ, и сдѣлаетъ величайшую славу автору — эпоху въ Военной Исторіи. Всякіе же рассказы о военныхъ дѣйствіяхъ, писанные большею частію по слухамъ, слѣдственно наполненные иногда и предубѣжденіями, по мнѣнію нашему, не заслуживаютъ вниманія военныхъ людей. Пускай частный офицеръ пишетъ то, гдѣ былъ и что видѣлъ; помѣстивъ, вмѣсто *указанія пріятныхъ городскихъ гуляній* (стр. 20), топографическое и статистическое описаніе мѣстъ и странъ, чрезъ кои удавалось проходить ему, *Записки* его, въ духѣ истинной справедливости писанныя, могли бы служить матеріалами будущему исторіку.

Не сей скромной, но по мнѣнію нашему достойной великаго уваженія славы, искалъ сочинитель *Походныхъ и Путевыхъ Записокъ, веденныхъ во время Польской Кампаніи въ 1831 году!* Онъ описываетъ военныя дѣйствія не той

части, гдѣ находился, а вообще всѣ, начиная рассказъ свой съ прибытія въ м. Тыкочинъ 17 Марта; слѣдственно первый періодъ кампаніи не вошелъ въ составъ его описаній.

Вопъ образчикъ вѣрности рассказа его тѣхъ движеній, въ коихъ повидимому самъ онъ не участвовалъ.

Наспупательное движеніе Графа Дибича 12 Апрѣля, отъ Сѣдльца чрезъ Куфлево къ Минску, представлено сочинителемъ *Записокъ* въ превращенномъ видѣ. Онъ говоритъ (стр. 29, 30 и 31), что правому флангу дано было направленіе на Мокободы (верстѣ 18 вправо отъ Сѣдльца); что центръ долженъ былъ удерживать Брестъ - Литовское шоссе и скрытъ движеніе прочихъ силъ арміи, и прочее; а лѣвый флангъ двигался на Куфлево, (селеніе, находящееся лѣво отъ шоссе, верстахъ въ 30 отъ Сѣдльца, на одной линіи съ Калушинымъ, и въ равномъ съ онымъ мѣстечкомъ разстояніи отъ Минска). *И въ такомъ порядкѣ*, говоритъ сочинитель *Записокъ*, главнокомандующій предполагалъ быстро атаковать мятежниковъ, то есть — какъ по сему описанію разумѣть должно — всею линіею на пространствѣ по крайней мѣрѣ 25 верстѣ, (Мокободы въ прямомъ направленіи по карстѣ, отстоятъ отъ Куфлева слишкомъ 25 верстѣ), и припомъ въ мѣстахъ покрытыхъ болошискими лѣсами, гдѣ сообщенія частей затруднительны.

Не такъ происходило наспупательное движеніе сіе. Авангардъ Фельдмаршала находился на шоссе отъ Сѣдльца къ Калушину (кажется въ Мингозахъ), мостъ на рѣчкѣ, впереди Мингозъ

протекающей, былъ сломанъ; въ Мокободахъ упорно находился легкій кавалерійской ошрадь, для освѣщенія праваго фланга арміи; влѣво отъ шоссе, по направленію къ с. Куфлеву, расположенъ былъ ошрадь Генерала Мандершперна, (содѣлавшійся при наступательномъ движеніи, насшолщмъ авангардомъ арміи); а корь-дебашалъ занималъ позицію при г. Стдлицѣ.

Осшая авангардъ на шоссе, для прикрытія фланговаго движенія арміи, Фельдмаршалъ со всею арміею, выступилъ лѣвымъ флангомъ на Куфлево, гдѣ непріятельской ошрадь, будучи ашакованъ авангардомъ нашимъ, завязалъ дѣло; но увидѣвъ вскорѣ построение прочихъ силъ нашихъ въ боевой порядокъ, поспѣшно опступилъ къ Минску. Тогда было около 4 часовъ пополудни. Фельдмаршалъ прекратилъ наступательное движеніе того дня. Ввечеру сего числа мы видѣли дымъ отъ перестрѣлки на шоссе, нѣсколько сзади насъ, у бывшаго авангарда нашего, и шупъ-шо говорили о разобранномъ шамъ мостѣ, шрудности и замедленіи въ устроении онаго.

На другой день Графъ Паленъ 1-й съ 1 корпусомъ направленъ былъ изъ Куфлева прямо на Минскъ, а самъ Фельдмаршалъ съ остальными войсками поворошилъ на Калущинъ; но непріятель уже опступилъ къ Минску, почему войска наши, не осшанавливаясь, слѣдовали къ сему городу, гдѣ съ прибытіемъ главныхъ силъ нашихъ, прекратилось авангардное дѣло перваго корпуса, и непріятель снова опступилъ, а войска наши заняли позицію впереди Минска.

На страницахъ 40 , 41 , 42 , 43 и 44 , сочинилъ записокъ , изложивъ движеніе гвардіи отъ Снядова къ Желшамъ , и крипически разобравъ , въ чемъ состояло намѣреніе Скржинецкаго , обращается въ слѣдующихъ словахъ къ движеніямъ главной арміи : „что въ то время , какъ гвардія совершала свое отступленіе , Фельд-маршалъ со всеми силами двигался отъ Соколова къ Нуру ; но узнавъ что Нуръ занятъ мятежниками , поворошилъ вправо , и пр.“ (с. 45). Фельдмаршалъ не двигался со всеми силами отъ Соколова къ Нуру ; но быстрыми переходами отъ д. Жукова , гдѣ находилась главная квартира , достигъ Буга , переправившись чрезъ оную рѣку при с. Грана . Точныя движенія кордебашалла намъ неизвѣстны ; но вопъ маршъ авангарда (въ семъ случаѣ сдѣлавшагося арріергардомъ) , прикрывавшаго до Буга движенія арміи , о коихъ въ то время всѣ съ ошлочною похвалою отзывались . 8 Мая передъ вечеромъ авангардъ выступилъ изъ позиціи при д. Конце (находящейся на дорогѣ изъ Сѣдльца въ Станиславова) ; и къ расвѣту 9 числа прибылъ въ Венгровъ ; 9 около полдня выступилъ изъ Венгрова ; и уже смерклось , занялъ позицію при Соколовѣ ; 10 переправившись чрезъ Бугъ по pontоннымъ мостамъ при с. Грана , соединился съ главной квартирою , и въ томъ же день часть онаго , отдохнувъ нѣсколько часовъ , выступила вслѣдъ за арміею къ Цехоновцу ; не доходя коего , остановилась на ночлегъ не на избранной заблаговременно позиціи , а тамъ гдѣ настигли ее 11 часовъ ночи , (вопъ точныя слова приказанія) ,

Изъ сихъ движеній видно, что Фельдмаршалъ *не двигался со всѣми силами* отъ Соколова къ Нуру и попомъ на право; а прямо лѣпвлъ на соединеніе съ гвардіею.

Пораженіе мяшежниковъ при м. Любаршовѣ (стр. 38 и 39), дѣло, коего подробности все намъ неизвѣстны, описано такъ сбивчиво, что къ сожалѣнію по сіе время остаемся мы въ прежнемъ невѣдѣніи о сихъ славныхъ подвигахъ войскъ Генерала Барона Крейца. Авторъ начинаетъ собственно разсказъ сраженія въ слѣдующихъ словахъ: „На разсвѣтѣ Генералъ Баронъ „Крейцъ повелъ всѣми своими силами атаку на „правый флангъ ихъ (Поляковъ), какъ часшъ самую слабѣйшую. Мяшежники, видя всю невы- „году своего положенія, хотѣли сдѣлать пере- „мѣну своего фронта и обратиться тыломъ къ „рѣчкѣ Вепржу; *но сіе имъ не удалось*; кавалерійская атака предпринятая для выигранія „времени къ такому движенію, была опроки- „нуша съ урономъ; два баталіона мяшежнической пѣхоты быстрымъ движеніемъ нашей кавалеріи совершенно опрѣзаны отъ Любаршова, „и Любаршовъ занялъ Генерал-Маіоромъ Фези, но „смотря на жесточайшій огонь изъ всѣхъ домовъ и „укрѣпленнаго костела и пр.“ Хотя сочинитель *Записокъ* не означаетъ, какую именно позицію занимали мяшежники при началѣ сраженія; но все, какъ догадаться можемъ, лѣвый флангъ ихъ примыкалъ къ болошамъ рѣки Вепржа; тогда очень естественнo, что противулежащій флангъ ихъ былъ слабѣйшею частію, съ разбитіемъ коей, весь отрядъ мяшежниковъ от-

брасывался къ весьма болописшой, быстрой и довольно широкой рѣкѣ; слѣдственно положеніе 10-тысячнаго разбитаго корпуса, съ таковыми препятствіями къ отступленію, дѣлалось тогда ошчаяннымъ. Не сіе ли и понудило непріятеля употребить послѣднія средства къ своему спасенію, кавалерійскія атаки своего резерва? — Переменная же правымъ флангомъ назадъ и намѣреніе Поляковъ занять позицію тыломъ къ рѣкѣ Вепржу, конечно не были съ ихъ стороны движенія произвольныя, а слѣдствія благоразумныхъ распоряженій Россійскаго Генерала. Впрочемъ, дай Богъ, чобы подобные маневры, въ пылу сраженія произведенные, всегда удавались врагамъ Россіи!

Въ заключеніе скажемъ, чпо сочинитель *Записокъ*, при описаніи штурма Варшавы, искалъ превосходное офиціальное донесеніе Героя Варшавскаго и Эриванскаго — донесеніе, въ коемъ каждому воздано по мѣрѣ заслугъ и трудовъ его; гдѣ благородный вождь, забывъ собственные подвиги, съ отеческою гордостью, старался выставить малѣйшія опличія подчиненныхъ: самоотверженіе высокое, достойное великой души вождя Русскаго!

VII.

РАЗБОЙНИКИ

РЕЙНСКИХЪ ВЕРЕГОВЪ а).

Въ послѣдніе годы Французской Революціи, берега Рейна и сосѣдственныя къ нимъ страны, были свидѣтелями подвиговъ, которые безъ сомнѣнія заслужили бы мѣсто въ Исторіи, еслибъ герои, ими оплечавшіеся, не принадлежали, въ слѣдствіе наслоящей нашей образованности, къ хроникамъ и преданіямъ простаго народа. Законы Французскіе не были еще въ Бельгій безусловно уважаемы; бореіе мнѣній и парсій содержало сію страну въ безпорядкѣ и общественномъ неустройствѣ, которые были слѣдствіемъ великихъ политическихъ произшествій, потрясшихъ Европу.

Духъ непокорности и своеволія раскрылъ въ людяхъ всякаго сословія особенную энергію, коей зародышъ при обыкновенныхъ обстоятельствеяхъ былъ бы пошчасъ подавленъ и котораго по несчастію произвела болѣе злодѣйствъ, чѣмъ истинно великихъ дѣяній.

Изъ Бельгій осужденный законами легко могъ перебраться въ Голландію или сосѣдственныя къ Рейномъ страны, а тамъ бесполезно

а) Помѣщаемъ сію статью для любопытнаго сравненія съ нашими народными преданіями о разбойникахъ, помѣщенными еще на берегахъ Волги, Оки и Камы. Копіи замѣтимъ, что не смотря на молодость нашего гражданскаго образованія, разбойничество перевелось у насъ ранѣе, чѣмъ въ прочихъ странахъ Европы. Десятинадцатый вѣкъ уже не заспалъ его въ Россіи. Изд.

было его преслѣдовать, по причинѣ многочисленныхъ государствъ Германской Конфедераціи, изъ коихъ каждое ревновало къ своей независимости. Но когда отважность нѣсколькихъ болѣе смѣлыхъ разбойниковъ собрала въ одно цѣлое сіи разсѣяныя стихіи, враждебныя законамъ, и изъ разныхъ шаекъ, опидѣльно блуждавшихъ, составила одно сообщество, то злодѣи предусматрѣли, что увеличеніе числа ихъ принудитъ наконецъ встревоженный правительствъ къ единому дѣйствію и что изъ самой силы ихъ родится ихъ гибель. Какъ опврашивъ сію опасность и въ тоже время увеличивавъ, а не уменьшавъ число свое? Какимъ образомъ пѣснѣ соединившись и выѣхавъ такъ обманывавъ вниманіе мѣстныхъ начальствъ, чтобы онѣ не могли находити слѣдовъ ихъ? Въ этомъ состоялъ великой вопросъ, который рѣшенъ былъ приведеніемъ въ исполненіе слѣдующаго достопримѣчательнаго плана.

По видимому шайка разбойниковъ при новомъ ея устройствѣ имѣла менѣе членовъ. Самые смѣлые, подчиненные ашаману, возведенному въ сіе званіе храбростью его или дарованіями, учреждали главную кварширу свою иногда въ старомъ замкѣ, иногда въ развалившейся мельницѣ, иногда въ глубинѣ лѣса. Легко было найти убѣжище подобнаго рода въ такое время, когда многія семейства, жившія прежде въ деревняхъ, скрывались отъ ужасовъ войны въ городахъ, хорошо укрѣпленныхъ и защищаемыхъ. По той же причинѣ и дороги спали очень пусты; на нихъ встрѣчались только путешественники и купцы; сообщенія же между деревнями спанивались часъ отъ часу рѣже.

Послѣ назначенія лагеря или сборнаго мѣста, важнѣйшее состояло въ томъ, чтобы обезопасить разбойникамъ проходъ чрезъ разныя области, посредствомъ повсемѣстнаго учрежденія поштовъ, кошорые бы каждому опряду могли въ случаѣ нужды доставить помощь и убѣжище. Это производилось чрезъ посредство пракширщиковъ, изъ коихъ многіе, будучи сами плушмы, согласились содѣйствовать разбойникамъ, а другіе были къ тому вынуждены бѣдностью. Многіе изъ нихъ, при оскудѣніи народонаселенія, остались, подобно судамъ на мели послѣ оплива моря. А какъ честность людей, промышленящихъ симъ ремесломъ, никогда не была безукоризненна, то они вообще оказались гошowymi принявъ сдѣланныя имъ предложенія.

Въ условномъ нарѣчіи разбойниковъ, составленномъ изъ Еврейскаго, Голландскаго, Нѣмецкаго и Французскаго языка, мѣста убѣжища, вообще, включая и пракширы, назывались *кошемербеи*; въ сихъ убѣжищахъ каждый преслѣдуемый членъ, непременно находилъ извѣстія ему нужныя и еще нужнѣйшее покровительство. Эта система такъ была усовершенствована, что разбойникъ могъ путешествовать отъ крайней границы Голландіи до Дуная, съ полною увѣренностью, что каждую ночь проведетъ съ друзьями. Наконецъ самыя служители полиціи, отъ комиссара до послѣдняго агента, часто находились на жалованьи у разбойниковъ. Нерѣдко замѣчали, что безпокойство пресупника, пойманнаго на дѣлѣ, разсѣвалось какъ будто посредствомъ очарованія, когда при немъ произносили имя достойнаго

чиновника, къ коему опивесни его намѣревались. Съ чудесною быстротою намѣняли сіи вишанн свое имя, одежду, личность и фizioномію. Рассказывающъ, что десятеро изъ нихъ, осмѣлились провести лѣто на водахъ въ Ахенѣ, гдѣ удалось имъ поживавшся опъ многихъ, выдавая себя за Нѣмецкихъ Бароновъ и Голландскихъ купцевъ. Паспорты для нихъ составляли женщины, оплично разумѣвшія сіе дѣло.

Но гдѣ шайлись они, эти многочисленные грабители, которые, при громѣ пушекъ, раздававшемся въ одной половинѣ провинціи, разпространяли ужасъ по всей странѣ, брали штурмомъ деревни и даже города, уносили все, что унести можно, или, съ саблею въ рукѣ, принуждали жишелей плашшъ за себя выкупъ? Сіи шайшвенные разбойники жили въ деревняхъ, городахъ, уединенныхъ фермахъ и опдаленныхъ госпинницахъ. Начальники составляли душу общешва, коего масса жила разсѣянно по всей странѣ; люди, входившіе въ сосшавъ его, занимались въ своихъ деревняхъ свойшвеннымъ каждому ремесломъ; но всегда были гошовы, по знаку имъ однимъ поняшному, опсавишъ домъ, семейство и слѣдоващъ за начальниками на самую смерть. Ихъ называли обыкновенно *ученниками* или *подмастерьями*. Они связаны были съ обществомъ страшными кляшвами, которыя нарушишъ рѣдко покушались; ибо знали, что вездѣ и всегда гошовъ постигнушъ ихъ сокровенный кинжалъ.

Одинъ несчастный, попавшійся въ руки полиціи, будучи посаженъ въ шюрму, въ страхѣ объявилъ сборное мѣсто начальника своего, знамени-

шаго Пикара. Въ слѣдующую ночь, когда онъ можетъ бытъ помышлялъ съ ужасомъ, что самая измѣна не послужитъ къ его спасенію, ему послышалось, что кто-то въ полголоса произносилъ его имя. Онъ взглянулъ и увидѣлъ руку, просунувшую сквозь рѣшетку окна.

— „Кто здѣсь?“ спросилъ онъ.

„Твой начальникъ... Пикарь, Я, по обязанности моей, подвергаю свою жизнь опасности для твоего избавленія.“

Въ нѣсколько минутъ распилили оковы арестанта, вынули одну изъ полосъ рѣшетки. Освобожденный послѣдовалъ за своимъ начальникомъ, перелѣзъ черезъ сѣтну и вскорѣ достигъ лѣса. Шайка, устроившись полукружіемъ, въ полномъ вооруженіи, молча, ожидала ихъ.

„Негодяй! предаешь!“ сказалъ освобожденному начальникъ: „неужели ты думалъ, что върломишь свое, учиненное въ шкурѣ, оставшееся неизвѣстнымъ Пикару? Умри же, подлецъ, умри за свое преступленіе!“

— „Пощади! помилуй!“ воскликнулъ злополучный, отводя приспавленное къ его уху дуло пистолета. „Пусть я умру, но умру въ сраженіи. Видите меня хоть сейчасъ прошивъ цѣлой арміи, дабы по крайней мѣрѣ погибъ я отъ руки неприятеля!“

„Нѣтъ, нѣтъ“ — отвѣчалъ хладнокровно Пикарь — „ты недостойнъ смерти храбрыхъ. Товарищи, у васъ спрашиваю, заслуживаетъ ли подобный негодяй, чтобы для него нарушили мы законы наши?“

— Нѣтъ! отвѣчалъ лейтенантъ грубымъ и глухимъ голосомъ. Нѣтъ! подхватили подобно

аху разбойники, одни по собственной непреклонности, другіе изъ страха. Пикарь спустилъ урлокъ и повергъ злополучнаго къ ногамъ своимъ.

Ученики раздѣлены были по всей споронѣ; даже на ярмаркахъ запрещено имъ было собираться въ числѣ болѣе трехъ или четырехъ вмѣстѣ: если начальникъ встрѣчалъ ихъ въ большемъ количествѣ, то значительнымъ взглядомъ повелѣвалъ разойтись; неповиновеніе спрога наказывалось. Часпо влѣдствіе шой же полишки, для производсва ремесла своего, были они опсылаемы весьма далеко. Рѣдко граждане Маинца были посѣщаемы разбойниками Нижняго Мааса; часпо жишели Везера и Эльбы подвергались набѣгамъ мошенниковъ, блуждавшихъ по берегамъ Рейна!

Рѣдко случалось, чтобы значительное предпріятіе было ими совершаемо безъ предварительныхъ увѣдомленій и посредничества Жида шпіона. Эти шпіоны, на языкѣ разбойниковъ, назывались *бальдоверы*. Какъ скоро сіи *бальдоверы* узнавали о существованіи добычи и положеніи мѣстностей; то немедленно вступали въ переговоры съ однимъ изъ начальниковъ, опъ котораго обыкновенно требовали за опкрытія свои вознагражденія. Начашое такимъ образомъ предпріятіе, всегда, долженствовало оканчивашься убійствомъ; ибо Жида для оправданія чрезмѣрныхъ требованій своихъ, лгали, какъ лгутъ всѣ мошенники ихъ племени. Разбойники, обольщенные алчностью, вѣрили словамъ сихъ негодаевъ, и несчастныя жертвы дорого платили за все, недоспававшее къ пополненію ожидаемой добычи. Послѣ грабежа *бальдоверъ* снова являлся, дабы разыгрывать роль

шерфендшпилера; то есть онъ покупалъ у найки награбленное ею имущество за такую цѣну, что вдвойнѣ получалъ вознагражденіе, на которое считалъ себя вѣнющимъ право.

Начальникъ распоряжался для собранія товарищей своихъ съ благоразуміемъ, ошличавшимъ сіе достопримѣчательное общество.

Разные члены, приглашенные вѣрнымъ по сломъ или и самимъ ашаномъ, ошправлялись въ сборному мѣсту, поодинокъ, иногда по двое, но никогда болѣе шрехъ вѣхсѣ. Всякой путешествовалъ сообразно съ своими привычками или съ мѣстомъ, которое занималъ въ свѣтѣ иной верхомъ, нѣкоторые въ карестѣ, другіе пѣшкомъ; были и шакіе, которые нѣли при себѣ шелѣги, назначаемыя для перевозки добычи. Такъ какъ дорога была обыкновенно дальняя и часто перестѣкалась оврагами и лѣсами, то первое мѣсто оспановки для путешествоующихъ всегда назначалось такое, которое было вѣмъ извѣстно; здѣсь каждой находилъ шакъ называемые *кошмер-синки*, то есть, пушеукатшательные знаки приготовленные начальниками. Сіи знаки разполагались при перестѣченіи многихъ дорогъ и состояли въ линіи, начерченной на дорогѣ, по коей идти должно было; всякой проходящій чернилъ поперегъ сей линіи другую корешенькую, такъ что разбойники узнавали не только направление сборнаго мѣста, но и число друзей, прежде нихъ шуда ошправившихся. Иногда, когда обстоятельство шребовали болѣе предосшорожности, бросали на дорогу

древесную вѣтвь, будто случайно упавшую, ко-
торой оконечность, покрытая листьями, обра-
щалась къ той шопинкѣ, по коей слѣдовашь
надлежало. Часто путешествованіе совершалось но-
чью: тогда имѣли нужду въ знакѣ, понятномъ
уже не зрѣнію. Слишкомъ извѣстный обыкновен-
нымъ ворами свистокъ, былъ замѣняемъ *кошем-ло-
шеномъ*, продолжительнымъ и звонкимъ крикомъ,
который путешественникамъ казался болѣе кри-
комъ филиновъ или дѣшихъ, чѣмъ признакомъ
близости воровъ.

Когда всѣ приходили на сборное мѣсто, по
начальникъ осматривалъ оружіе, приказывалъ за-
рядить *инелли* или пистолеты; назначалъ па-
роль, потомъ сигнальныя слова для ашпаки или
реширады; раздавалъ факелы, которые по ос-
бенному знаку, надлежало вдругъ зажечь; послѣ
чего колонна отправлялась въ путь, наблюдая
глубокое молчаніе.

Сначала шелъ канишанъ, вооруженный, кро-
мѣ многихъ другихъ насупашельныхъ и оборо-
нительныхъ орудій, подъемнымъ рычагомъ, ко-
торый занималъ у него мѣста начальственнаго
жезла. За нимъ шли *таранъ*, то есть брев-
но въ двѣнадцать футовъ длиною, которое было
употребляемо для разрушенія ворошъ и спѣтъ.
Потомъ шли второкласные начальники, съ раз-
ными другими инструментами, нужными въ ре-
меслѣ ихъ, кои по ихъ назывались *кламоны*.
Наконецъ слѣдовали простые солдаты воору-
женные, какъ и начальники ихъ, съ ногъ до го-
ловы. Лица у всѣхъ были вычернены или обез-
ображены инымъ образомъ, опчаси для того;

чтобъ ихъ не могли узнатьъ, опчаспи, дабы жи-
тели, видя такое измѣненіе наружности, заклю-
чали, что разбойники сіи пришли изъ сосѣдствен-
ныхъ мѣстъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они мо-
жуть бытъ никогда не бывали тамъ, гдѣ пред-
полагалось учинить грабежъ.

По приближеніи къ мѣстечку или деревнѣ,
на кошорую предполагалось напасть, шѣ, кошо-
рые знали мѣстность, шли захватывать коло-
кольни и спорожей. Послѣ сего шайка отпра-
влялась къ обреченному на грабежъ дому, кошо-
рый не медля отъпляла.

Осажденныхъ не увѣдомляли о нападеніи,
не приглашали къ сдачѣ: одинъ только ужа-
сный крикъ возвѣщалъ присущствіе и намѣ-
реніе непріятеля. Ихъ мгновенно зажженные фа-
келы пылали во тьмѣ ночной, какъ метеоры;
шаранъ поражалъ двери и громъ ударовъ его со-
провождался общимъ залпомъ всѣхъ огнестрѣль-
ныхъ орудій. Выстрѣлы возобновлялись непре-
рывно и были всегда направляемы въ окна. Хозя-
ева, оглушенные симъ внезапнымъ крикомъ и
громомъ, теряли совершенно присущствіе духа;
прочіе жители мѣстечка, воображая, что на
улицахъ происходитъ сраженіе, заваливали свои
ворота и двери, гасили огни, прятались въ погреба.

Наконецъ дверь падала отъ ударовъ шаранъ,
и капитанъ входилъ первый въ сію землю обыш-
ванія, возвѣщенную Жидомъ. Если кто изъ
разбойниковъ оказывалъ малѣйшую нерѣшитель-
ность, то капитанъ убивалъ его на мѣстѣ изъ
пистолета; это право именно дано было ему
уложеніемъ шайки; впрочемъ рѣдко нужно

было прибѣгать къ сей воинственной казни. Будучи шакъ близко къ добычѣ, самые робкіе спановились храбры и, бросившись разомъ въ домъ, ошчаянно сражались, ежели жилили, оправаясь ошъ перваго ужаса, осмѣливались сопротивляться. Овладевъши домомъ, связывали и обвершывали коврами и проспынами всѣхъ жишелей, ошъ мала до велика, не изключая женщинъ; освѣщали весь домъ ошъ чердака до погреба и начинали грабиль.

Горе хозяевамъ, если имущество, у нихъ найденное, составляло менѣе шого, что общалъ бадъверъ! Ни кляшвы, ни увѣренія не могли убѣдиль разбойниковъ, что мнимое сокровище существовало шолько въ воображеніи бездѣльника Жюда. Не внимая ни разсудку, ни жалоспи, подвергали они насчастныхъ плѣнниковъ своихъ жестокайшимъ мукамъ. Наконецъ по снесеніи добычи въ одно мѣсто, уложивъ и увязавъ ее для ошправленія, капишанъ сзывалъ своихъ подчиненныхъ; если были между ими шяжело раненые, шю ихъ сажали на плеча шоварищей; въ случаѣ шревоги, ихъ убивали, слѣдуя правилу, что мершвы не говорятъ. Если двйшвишельно угрожало нападеніе превосходной силы, шю разбойники решировались по правиламъ военнаго искусства, и иногда съ успѣхомъ совершали рещираду подѣ огнемъ регулярныхъ войскъ.

Когда побѣда совершалась безъ шревоги, они зажигали въ знакъ радоспи большой огонь, и возвращались съ спрашнымъ крикомъ, махая факелами; но какъ скоро доспигали сборнаго мѣста, шю вдругъ гасили всѣ огни, раздѣлялись

РАЗБОЙНИКИ

глубокой тишинѣ на малыя паршіи и исчеза-
какъ злые духи въ темнотѣ ночной.

Описавъ такимъ образомъ въкратцѣ обра-
сего замѣчательнаго общества, посвятивъ
колько страницъ описанію разныхъ шаякъ,
павлявшихъ оное, и извѣстнѣйшихъ началь-
овъ, кои вели ихъ къ славы и къ сла-
гу.

Нѣкто *Моисей*, родомъ изъ Жидовъ, назы-
ійся прежде Яковомъ, первый далъ фор-
и устройство сему обществу злодѣевъ;
посвятилъ бездѣльниковъ, отдѣльно блу-
вшихъ, въ достоинство разбойниковъ. Его
а, достойная его подруга, научала женщинъ
сству вкрадываться въ шюрмы и переносъ
извѣстія. Наконецъ ихъ сынъ, достойная
асль отца и матери, сдѣлался въ свою оче-
славнымъ ашаманомъ; двѣ дочери вышли за
ъ за людей, погибшихъ на висѣлицѣ, и
въ нихъ остались матерями цѣлаго потом-
а разбойниковъ.

Мѣстопробываніе сего благороднаго семей-
а было въ Виндскопѣ, близъ Гронинга, въ
ландіи. Авраамъ - Яковъ (сынъ), болѣе из-
ный подъ прозвищемъ *Снидера*, недоволь-
лаврами, которые пожиналъ въ Голлан-
и Бельгій, совершилъ при похода до самаго
ижа. Дочери назывались Ревекка и Дина;
была въ замужествѣ за Французомъ Босбе-
а, ашаманомъ Голландской шайки; другая
Икарромъ, по прозванію Копцо, Бельгій-
ъ Жидомъ, однимъ изъ славнѣйшихъ Евро-
кихъ разбойниковъ.

Брабантская щайка вскорѣ сдѣлалась извѣстна по дарованіямъ и жестокости двухъ соперничающихъ ашамановъ, Пикара и Босбека: особенно Босбекъ былъ настоящій дьяволъ во плоти; но это не воспрепятствовало ему полюбить прекрасную Равекку и быть взаимно любиму. Однакожъ Ревекка была столь привержена къ религіи Іудейской, что не рѣшилась отдать руку свою Христіанину; она требовала отъ любовника, чтобы онъ принялъ ея вѣру; Босбекъ колебался нѣсколько времени, наконецъ рѣшился опречься отъ Христа, сдѣлался Жидомъ и былъ наименованъ Іегу. Тогда Ревекка сдѣлалась самой нѣжной, самой преданной, и — въ печеніи нѣкотораго времени — самой счастливой супругой... Но наконецъ Іегу нарушилъ супружескую вѣрность. Правда, несчастій, имъ претерпѣнныхъ, могли ожесточить характеръ, болѣе швердый, чѣмъ его. Вскорѣ послѣ женитьбы своей былъ онъ пойманъ и содержался годъ и семь мѣсяцевъ въ подземной пюрмѣ, столь глубокой и узкой, что едва могъ дышать. Ноги его были обременены цѣпами, тяжестью коихъ вдавливались въ сырую глину; состояніе его перемѣнялось только тогда, когда его выводили для пышки. Однакожъ онъ ни въ чемъ не сознался и наконецъ его выпустили. Но какъ будто для того чтобы испытать, не опивкъ ли онъ воровства, освобожденный сдѣлалъ немедленно покражу среди бѣла дня. Будучи вшорично взятъ, онъ обязанъ былъ своимъ освобожденіемъ истинно героической преданности своей жены, которая для избавленія

его пожертвовала собственной свободой; но когда судьба соединила ихъ опять, то она получила отъ него въ знакъ благодарности побой и ругательства. Однакожъ не взирая на то, Ревекка все еще любила неблагодарнаго; но Іегу сдѣлался невѣренъ; жена его собственными глазами видѣла, какъ онъ гулялъ съ ея соперницей рука въ руку; въ изступленіи гнѣва она немедленно донесла о немъ полиціи и злоба ея только тогда удовлетворилась, когда его повѣсили.

Шайка Іегу называлась *Чортовой дочерью*; но когда правительство заклало веревкой *Чорта*, мѣсто его занялъ новый демонъ, братъ Іегу, Іоаннъ Босбекъ. Въѣсто того, чѣмобъ пугать чипашелей жестокостями сего злодѣя, расскажемъ лучше анекдотъ, показывающій его великодушіе, шѣмъ болѣе, что онъ шѣсно связывается съ чертою удивительнаго героизма, оказаннаго одной особой, принадлежащей къ Люшеранскому духовенству.

Шайка Іоанна Босбека пробралась въ мѣстечко Мюльгеймъ на Рейнѣ, находящееся въ областяхъ Гессен - Дармшпадскихъ. Захвативъ по обыкновенію всѣхъ шпорожей, разбойники отѣпили домъ и зажгли факелы; послѣ чего начали разбивать шараномъ дверь. Прихода ихъ такъ мало ожидали, что при первомъ шукѣ, жена Пастора разбудила мужа своего, думая, что то былъ посланный отъ какого нибудь больнаго, шребующаго помощи и утѣшенія. Пипагенъ (такъ назывался Пасторъ) выглянулъ въ окно, но на него посыпался градъ пуль; тогда схватилъ онъ ружье,

началъ стрѣлять и ранилъ двухъ разбойниковъ. Но вскорѣ часть ворошъ пала подъ ударами шарана, одинъ изъ мошениковъ вошелъ чрезъ сіе ошверстіе и снялъ запоры. Въ одно мгновеніе вся шайка ворвалась въ домъ, перевязала служившелей и заперла ихъ въ конюшню. Остались только Пипагенъ съ женою. Мужественный Паспоръ зналъ опасность, но онъ сражался за собственную жизнь и за жизнь еще болѣе для него драгоценную. Дверь внизу лѣстницы еще не была разломана; Пипагенъ продолжалъ стрѣлять въ разбойниковъ, чрезъ небольшое ошверстіе, находившееся надъ дверью, до тѣхъ поръ пока почти всѣ заряды у него вышли... „Бѣги“ — закричалъ онъ тогда — „бѣги, любезная жена, чрезъ заднія ворота; кличь сосѣдей, проси помощи“... Жена спала крича, кричала долго; но крикъ ея только что болѣе напугалъ шрусовъ, кои ее слышали; никто не пронулся съ мѣста. Наконецъ съ трескомъ рушилась послѣдняя защита Пипагена, и разбойники съ свирѣпымъ воплемъ бросились на лѣстницу.

Супруга Паспора, предавая душу свою Богу, упала на колѣна.

„Скажише, что вамъ надобно, и вы все получите!“ сказалъ Пипагенъ, видя что разбойники готовились разломать дверь спальни, въ ко-ей онъ скрылся.

— Намъ надобна кровь твоя!..

„О такъ не однажъ моя кровь прольется! Жена! спасайся чрезъ дверь за постелею. Если Богу будешь угодно, чрезъ двѣ или три минушы я послѣдую за тобой“, вскричалъ онъ.

Нѣсколько времени Гжа Пишагенъ была въ нѣрѣшимости; наконецъ съ горестнымъ воплемъ отчаянія повиновалась мужу своему и ушла; но уже разбойники выломали дверь; Пасторъ стоялъ предъ ними, посреди комнашы, держа ружье, со введеннымъ куркомъ.

— Впередъ, впередъ! кричали другъ другу разбойники; но ни одинъ не смѣлъ броситься на неустрашимого Пастора, который, выстрѣливъ, устремился въ маленькую дверь, заперъ ее за собой и поспѣшилъ къ женѣ. Онъ нашелъ ее на чердакѣ безъ чувствъ, взялъ на руки, сошелъ по лѣстницѣ, которая къ счастью съ утра была тамъ позабыша и сложилъ ее за сѣтну на другой дворъ. По несчастію, въ то время когда онъ хотѣлъ сѣмъ сойти, одинъ изъ учениковъ разбойничьихъ остановилъ его и, пока онъ вырывался у него изъ рукъ, одинъ изъ разбойничьихъ ведетовъ, поваливъ его, спалъ кричать и на крикъ сей подошла вся шайка.

— Прежде, нежели умрешь — закричали ему — говори, гдѣ ключи твои, твое серебро, твои деньги? Говори!

Одинъ изъ бездѣльниковъ, чуждый всякой жалости къ несчастному, который еще былъ оглушенъ ударами, имъ полученными, для того чтобы принудить Пастора къ скорѣйшему признанію, ударилъ его такъ сильно по лицу, что кровь полилась ручьемъ.

„Хорошо ли это?“ спросилъ Пишагенъ, взглянувъ съ благородной спрогостью на ашамана шайки. „По твоему ли приказанію дѣйствовалъ этотъ человекъ?“ Сколько ни былъ звѣрона-

Бенъ Іоаннъ Босбекъ, но невольно почувствовалъ уваженіе и удивленіе къ своей жертвѣ. „Нѣтъ!“ ошвѣчалъ онъ: „Герценъ! вопъ тебѣ впередъ наука, чшобъ ты не смѣлъ бишь безъ приказанія твоего начальника?“ И — ударомъ палки повергъ негодяя на землю. Тогда Паспоръ разсказалъ, гдѣ находилось его серебро и ключи отъ шкафовъ. „Теперь,“ прибавилъ онъ, „когда вамъ все извѣстно, такъ какъ смерть моя неизбежна; ибо я ранилъ многихъ изъ васъ, то сдѣлайте хотя одно доброе дѣло, сократите скорѣй спрдаванія мои.“ Но вмѣсто того, чшобъ убить Паспора, капитанъ приказалъ решироваться. Разбойники спали съ негодованіемъ ропсать; но Босбекъ, подоживъ на плечо палку; взявъ въ зубы кинжалъ, въ руку пистолетъ, и свирѣпымъ взглядомъ далъ знать, что они должны повиноваться. Успрашенные мошенники медленно и въ безмолвіи начали выходить; позади всѣхъ вышелъ ашаманъ.

Шайка Кревендтская или Нейсская, какъ ее въ послѣдствіи называли, хотя была почти такъ же многочисленна, какъ и Босбекова, но употребляла со всѣмъ другую шайку. Только въ послѣдней крайности прибѣгала она къ силѣ; таранъ для разрушенія воротъ спала она употреблять уже въ то время, когда находилась подъ начальствомъ Машвѣя Вебера, прозваннаго Фешцеромъ. Путешественникъ, сбившійся съ пути, спучался ночью въ ворота; бѣдная дѣвушка сладостнымъ голосомъ упрашивала, чшобъ ей продали вина для больной матери ея. Ежели ворота отворяли для путеше-

пешеходника или девушки, то домъ тотчасъ наполнялся вооруженными людьми и начинался грабежъ. Не было ни шуму, ни опасностей; веселые разбойники часто садились за ужинъ, который продолжался иногда до зари. Сосѣди, слыша пѣсни ихъ и звонъ спакановъ, сожалѣли, что не были приглашены къ пиршеству. Фешцеръ, который былъ самъ веселый собесѣдникъ, нерѣдко принуждалъ ограбленныхъ хозяевъ пировать и лишь съ нимъ вмѣстѣ. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ опчальныхъ ашамановъ, разпространявшихъ въ то время ужасъ по берегамъ Рейна. Вотъ образчикъ его походовъ; мы заимствуемъ оный изъ записки, которая была диктована имъ самимъ въ шюрмъ и приложена къ его процессу.

„Въ мѣстечкѣ Нейсѣ, были мы пойманы двое, съ Михайломъ Дейцомъ; насъ помѣстили въ сшарой мѣльницѣ, служившей обыкновенно шюрмою такимъ важнымъ особамъ, какъ мы. Изъ этой мѣльницы казалось не возможно было убѣжашъ, по причинѣ высокаго и уединеннаго положенія ея; но я разсудилъ, что намъ отъ этого не будетъ хуже, если мы попытаемся уйти. Послѣ многихъ преднамѣреній, я заключилъ, что надо добратъся до эшажа, находившагося надъ тѣмъ, въ коемъ мы были заперты. Я влѣзъ на плеча, потомъ на голову поварища моего, и съ помощію желѣзной полосы, которую отвинтилъ отъ своей кровати, удалось мнѣ сдѣлать отверстіе въ потолокъ, чрезъ которое пролѣзъ я свободно; но мнѣ надлежало употребить всю мою силу, чтобы всащипъ за собой и Дейца.“

„Въ шой комнашѣ, куда мы достигли, было окно, но съ крѣпкой рѣшеткой; сверхъ шого внизу подъ нимъ, увидѣли мы часоваго; ишакъ должно было лѣзти еще выше; и шуда взобрались мы шакимъ же образомъ; шущъ надъ головами нашими оставался только деревянный куполь, служащій обыкновенно кровлею мѣльницамъ. А пошому надлежало думать уже о шомъ, какъ спустимся.“

„Но можноли было што сдѣлать на шакой вышнѣ, ошкуда при одномъ взглядѣ внизъ голова ходила кругомъ? Мнѣ пришло въ мысль употребить на шѣ спарой мѣльничной холстѣ: мы доспали ихъ два. Съ помощью перваго думалъ я, можно спуститься до галерей, окружающей башню, наровнѣ съ мукомольней; а ошшуда не шрудно, при пособіи другаго холста, спрыгнуть на землю.“

„Не медля, прикрѣпили мы кое-какъ холстѣ къ балкону, на кошоромъ находились. Крѣпко схватившись за него, началъ я спускаться. По несчастію дулъ сильный вѣтеръ; однимъ порывомъ его ударило меня шакъ объ стѣну, что всѣ кости зашрещали. Складки холста препятствовали мнѣ видѣти; удары, мною полученные, почти привели меня въ безпамятство; я не зналъ гдѣ былъ, что дѣлалъ. Достигъ ли галлерей? Спустился ли ниже ея? Силы измѣнили мнѣ, пальцы одервенѣли, холстѣ вырвался изъ рукъ . . . и я упалъ.“

„Паденіе мое было шакъ сильно, что я почиталъ себя погибшимъ. Но Дейцъ, чрезъ нѣ-

сколько минулъ упавшій на меня, привелъ меня въ чувство. Часовой замѣтилъ насъ и произвелъ тревогу; надлежало спасаться; тогда съ удивленіемъ замѣтилъ я, что ни одна кость у меня не была повреждена; мы пустились къ Эрпю, бывшей весьма недалеко, переправились чрезъ нее вплавь и благополучно достигли лѣса.“

Фетцера казнили въ Кельнѣ. Онъ умеръ съ покаяніемъ, но за нѣсколько минутъ передъ смертью сказалъ духовнику: „Ахъ! еслибы меня освободили хотя на два часа!“

— Что жъ бы ты сдѣлалъ, сынъ мой?

„Я сдѣлалъ бы такую покражу, какая едва-ли когда бывала... Но знаете ли вы для чего?“ прибавилъ онъ со слезами на глазахъ, шепечущимъ голосомъ... „Есть одно дитя... дѣвочка... единственное существо въ мірѣ... которое я люблю... Увы! когда меня не будетъ, она подвергнется всѣмъ ужасамъ нищеты. Ахъ, еслибы я могъ ей оставить столько, чтобы она могла получить хорошее воспитаніе въ Кельнскомъ Урсудинскомъ монастырѣ!“

Шайка Невидская, составившаяся изъ оставшихся всѣхъ другихъ, послѣ ихъ разбѣга, держалась нѣсколько времени противъ Французскихъ войскъ и даже вступала съ ними въ сраженіе; но тогда нанесенъ былъ послѣдній ударъ сей разбойнической ватагѣ, столь нагло угрожавшей обществу. Большая часть начальниковъ по-

гибла съ оружіемъ въ рукахъ; и шайка возвратилась къ прежнимъ своимъ спихіямъ, распалась снова на отдѣльныхъ воровъ, ночныхъ бродягъ, игроковъ, мошенниковъ и другихъ негодяевъ, которые разными способами опмщались обществу, ненависть и презрѣніе, кои такъ справедливо заслужили.

Оспается сказать теперь о настоящей Рейнской шайкѣ, находившейся подъ начальствомъ славнаго *Шиндеранна*. Другія шайки могли называться Бельгійскими и Голландскими, также какъ Рейнскими; но Шиндераннъ никогда не удалялся отъ береговъ Рейна, кромѣ того, когда находился въ качествѣ волонтера у Пикара и другихъ начальниковъ.

Шиндераннъ родился въ Нашпедпентъ 1779 года, изъ самаго низкаго сословія. Въ молодости, за какой-то прослунокъ, высѣкли его публично; это наказаніе рѣшило участь юноши. Терзаемый стыдомъ и злобою, онъ предался сообществу людей, кои запечатлѣли его навсегда клеймомъ позора. Вскорѣ, посредствомъ смѣлой, удачно совершенной кражи, доказалъ онъ, что достоинъ общества, имъ избраннаго. *Фрикъ*, прозванный *Красная Голова*, принялъ его съ откровенными объятіями, и познакомилъ съ Мозебахомъ, Сейбершомъ, Ильписомъ Яковомъ и Цугешшой, которые тогда въ той споротъ наиболѣе были извѣстны. Въ непродолжительномъ времени, Шиндераннъ доказалъ, что созданъ

повелѣвать а не повиноваться, и былъ про-
изведенъ въ начальники шайки. Тогда онъ сдѣ-
лся очень важнымъ для правосудія; за нимъ
присматривали такъ неусыпно, что нахо-
децъ захватили въ Вейденской мельницѣ. Онъ
кошѣлъ убежать въ то время, какъ его перево-
зили въ Обершпейнъ; прикрѣпидъ веревку къ кры-
шкѣ шюрмы, въ которую посадили его для ноч-
лега; но веревка порвалась, прежде нежели онъ
достигъ до земли; спукъ, причиненный паденіемъ,
открылъ намѣреніе арестанта; его опять схвати-
ли и бросили въ Саарбрюкскую шюрму; каза-
лось, что онъ выйдетъ изъ ней только тогда,
когда поведутъ его къ казни; но чрезъ три дня
извѣстіе о побѣгѣ его снова разпространило-
ужась въ окрестностяхъ.

На прибытіи къ своей шайкѣ, нашелъ онъ
ее подъ начальствомъ *Петри*, прозваннаго *Чер-
нымъ Петромъ*. Сей послѣдній былъ гигантскаго
роста; съ густыми черными волосами и бородой,
которая закрывала всю грудь его. Цвѣтъ лица
его былъ блѣдный, какъ у мертвеца; голосъ упо-
доблялся карканью ворона. Въ презвѣмъ поло-
женіи, онъ былъ удивительно хладнокровенъ, равно
готовъ зарѣзать человека и сжечь церковь; когда
напивался пьянъ, то въ немъ соединялись свой-
ства волка и пигра; но въ состояніи среднемъ,
когда у него доешавало ума убивать по расчету,
а не по спрасли или слѣпому инстинкту, могъ
равняться съ величайшими ашаманами, еще не по-
вѣщенными. Не смотря на то, ему не долго суждено

было служить преполою для честолобія Шиндеранна. Будучи пойманъ, провелъ онъ нѣсколько времени въ подземной тюрьмѣ, гдѣ ни коимъ образомъ не могъ получить ни капли водки, ошъ чего получилъ такое отвращеніе къ Французскому берегу Рейна, что переправился на другую сторону сей рѣки, гдѣ нѣсколько лѣтъ не было объ немъ ничего слышно,

Вскорѣ послѣ того и Шиндеранна опять поймали; его засадили въ Зиммерискую тюрьму. Тюрьма эта была не что иное, какъ яма со сводами, выкопанная глубиною на двадцать футовъ подъ основаніемъ темницы, съ однимъ вверху отверстіемъ, чрезъ которое опускали арестанта какъ въ колодезь. Еслибъ закрыли сіе отверстіе, то Шиндеранну надлежало бы задохнуться; но сочли невозможнымъ, чтобы онъ могъ вскарабкаться къ сему, въ срединѣ крыши сдѣланному, отверстію, которое сверхъ того вело опять въ другую тюремную комнату, гдѣ также содержался разбойникъ. Однакожъ молодой ашаманъ не отчаялся въ своемъ счастьи. Онъ ссучилъ веревку изъ соломы, на коей спалъ, и бросилъ къ сосѣду своему вверху; сей послѣдній укрѣпилъ ее такъ, что Шиндераннъ влѣзъ къ нему, проломалъ стѣну, вышелъ въ кухню, выломилъ рѣшетку окна и, прыгнувъ въ городской ровъ, вывихнулъ себѣ ногу. Три дни и три ночи пащился онъ къ одному пріятелю; днемъ лежалъ, растянувшись какъ дикой звѣрь, въ лѣсу, а ночью снова начиналъ свое тягостное путешествіе.

Соединившись опять съ своей шайкой, усилилъ онъ ее многими опличными новобранцами, между прочими Карломъ Бейцелемъ, молодымъ человекомъ изъ почтеннаго семейства, который опличался чрезвычайно романтическимъ характеромъ. Хотя Шиндеранна боялись до такой степени, что матери пугали блаженныхъ дѣтей именемъ его, однакожь онъ былъ любимъ крестьянами, которые не предавали его ни за что въ свѣтъ. Одна изъ прелестнѣйшихъ дочерей Германіи оставила родителей и послѣдовала за нимъ въ мускомъ плащѣ. Соединяя съ веселымъ нравомъ, храбрость, щедрость, радушіе, умѣлъ онъ самымъ пресупленіямъ своимъ придавать нѣчто поэтическое, заставлявшее невольно принимать въ немъ участіе. Онъ любилъ музыку и стихи. Еще и теперь на берегахъ Рейна поютъ пѣсню, сочиненную имъ для своей любовницы, Сшраспный къ удовольствіямъ, обожая женщинъ, онъ не зналъ постоянства до пѣхъ поръ, пока увидѣлъ *Юлію Блазіусъ*, шу дѣвицу, о коей мы говорили и которая прелестями своими приковала его къ себѣ навсегда.

Но Шиндераннъ не вѣдалъ еще всей важности, сопряженной съ званіемъ разбойника въ Бельгіи. Пикарь, желая воздать честь громкой славѣ, имъ приобретенной, предложилъ ему принять участіе въ экспедиціи, которую предпринималъ на берега Майна. Шиндераннъ ожидалъ найдши такого же ашамана, какимъ былъ самъ, скрывающагося въ оспавленныхъ

мельницахъ и развалившихся замкахъ, бродящаго пѣшкомъ по лѣсамъ и грабящаго, когда выпадетъ случай, на большихъ дорогахъ. Въ какоежь пришелъ онъ удивленіе, когда увидѣлъ, что подѣ начальствомъ сего славнаго ашамана находилось пятьдесятъ всадниковъ, регулярно вооруженныхъ и одѣтыхъ, которые получали жалованье, какъ солдаты, кромѣ слѣдующей имъ части изъ добычи! Съ другой стороны Бельгійскіе разбойники не менѣе были изумлены, при видѣ шайки Шиндеранна, состоявшей изъ горсти людей, кои были вооружены, какъ пошло, и находились подѣ начальствомъ молодаго человека, коего красивая наружность и привлекательное обращеніе, казалось, приличествовали болѣе щеголю, проводящему жизнь свою въ дамскихъ уборныхъ, а не въ лагерьѣ.

Здѣсь Шиндераннъ въ первый разъ вступилъ въ сношенія съ прочими шайками или отрядами обширнаго общества, къ коему принадлежалъ самъ. Возвратившись въ свои лѣса, онъ дѣятельно занялся введеніемъ порядка и дисциплины между своими подчиненными. Въ противоположность другимъ разбойникамъ, Шиндераннъ преслѣдовалъ Жидовъ съ нѣкоторыми родомъ ошпервеній и до такой степени сдѣлался срашенъ дѣшамъ Израиля, жившимъ въ окрестностяхъ Рейна, что они предложили ему дань, подобную *блэк-майю* (разбойничьему налогу) горѣ Шотландскихъ. Одинъ изъ таковыхъ данниковъ, по имени Исаакъ Герцъ, богатый купецъ въ Зоберштейнѣ, продолжалъ бояться за жизнь свою,

выѣзжалъ не иначе какъ въ сопровожденіи жандармовъ. Шиндераннъ, узнавъ о томъ, велѣлъ сказать Жиду, чѣмъ онъ непременно къ нему явился и далъ опчешъ въ сей недовѣрчивости.

Въ назначенное время блѣдная фигура Исаака явилась при входѣ въ жилище разбойника. Жидъ, уведомивъ о себѣ часового, взошелъ на лѣспницу, гдѣ другой часовой доложилъ о немъ. Двери отворились: ни живъ ни мертвъ, вступилъ Исаакъ, кланяясь низко. Шиндераннъ сидѣлъ воалѣ своей прекрасной Юліи; оба были великолѣпно одѣты; вокругъ ихъ сподли вооруженные Шиндеранновы товарищи; на сполѣ предъ ашаманомъ лежалъ шелескопъ.

„Намъ донесено“ — сказалъ капишанъ спирогимъ голосомъ — „что ты не иначе выѣжаешь, какъ въ сопровожденіи жандармовъ: зачѣмъ это?“.

Жидъ хотѣлъ отвѣчать, но слова замерли на устахъ его.

„Развѣ ты не знаешь“ — продолжалъ Шиндераннъ, смягчивъ голосъ — „что мнѣ споншъ сказать шолько слово, и шебя заспрѣляшъ, хощя бѣ ты былъ посреди цѣлаго аскадрона?“

Исаакъ разпросперся, въ знакъ подтвержденія ашамановой рѣчи, но не могъ произнести ни одного слова. Онъ заплалилъ двадцать шесть франковъ пени и отказался отъ своихъ излишнихъ предоспорожностей.

Жизнь Шиндерянова составляетъ цѣлой романъ а). Наконецъ поймали его на Измецкомъ берегу Рейна; перевезли сначала въ Франкфуртъ на Майнъ, потомъ въ Майнцъ, гдѣ предали суду Французскаго начальства.

Въ семь послѣднемъ путешествіи сопутствовали ему его прекрасная, вѣрная Юлія, и знаменитый разбойникъ Фешцеръ.

Дорогой изломалось колесо у карены, въ которой они ѣхали. „Товарищъ!“ сказалъ Фешцеръ! „вотъ изображеніе колеса жизни нашей, которое скоро переспанетъ вершѣться!“ Въ Майнцъ судили также большую часть людей ихъ шайки. Въ день рѣшенія, всѣ разбойники, предшесвуемые, какъ и прежде, своимъ начальникомъ, но сопровождаемые многочисленнымъ отрядомъ войскъ, окруженные множествомъ житей, отправились въ древній Курфиршеской дворецъ. Вошедши въ академическую залу, коей мраморныя стѣны такъ часто оглашались звуками торжественной музыки, Шиндерантъ спокойно сѣлъ на своей скамьѣ и окинулъ взглядомъ многочисленную толпу зрителей, спешущую посморгнуть споль ужаснаго разбойника. Казалось онъ ощущалъ какое-то удовольствіе, что играетъ главное лицо въ семь зрѣлищъ.

а) Г. Риджи, отъ коего сочинитель сей статьи заимствовалъ вышеизложенныя подробности, намѣренъ издать романъ подъ заглавіемъ: *Шиндерантъ, разбойникъ Береговъ Рейнскихъ*.

Можетъ быть онъ вспомнилъ тогда свое печальное дѣйство, наказаніе, которымъ его опозорили... и противоположность сія внушила ему чувство гордости.

Во все продолженіе засѣданія, игралъ онъ съ ребенкомъ своимъ, шепталъ съ Юліей и часто пожималъ ей руки. Сильное, неожиданное чувство овладѣло имъ, когда прочли резолюцію. Сстрахъ за Юлію воспоржесшвовалъ надъ равнодушіемъ его. „Она невинна!“ воскликнулъ онъ; „она невинна! Я обольстилъ ее!“ Сей вопль, изъ глубины сердца испоргнувшійся, пронулъ до слезъ всѣхъ зрителей.

Юлію осудили только къ заключенію на два года въ пюрюму; но Шиндеранну и девятинадцати разбойникамъ его шайки отсѣкли головы. Казнь совершилась 1803 года Ноября 21 дня; тогда, въ печеніе двадцати шести минушъ, двадцать головъ скапились съ эшафота.

(REVUE DE PARIS.)

VIII.

СТАТИСТИКА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

въ Англіи, Франціи и соединенныхъ штатахъ.

Учебныя заведенія для образованія народнаго въ Англіи не принадлежатъ, какъ во Франціи, къ государственнымъ расходамъ. Университеты Оксфордскій и Кембриджскій получали свои ог-

ромные доходы отъ личныхъ щедротъ Короля и Королевской Фамиліи; прочія школы заведены и поддерживаются частными вкладами. Сіи вклады по большей части состоятъ изъ недвижимыхъ фундушей, съ коихъ доходы обращаются на жалованье учителей, расходы школъ и содержаніе извѣстнаго числа воспитанниковъ. Впрочемъ не всѣ школы снабжены подобными фундашами; шѣ, кои не имѣютъ ихъ, получаютъ содержаніе свое отъ приходовъ, въ коихъ находясь, если числа воспитанниковъ не доспашочно для обезпеченія учителей.

Въ Англіи считается 4,187 школъ съ фундашами, и 14,282 безъ фундашей. Въ 1818 году, въ нихъ находилось 644,282 ученика, изъ коихъ 322,518 платили за ученье, а 321,764 учились даромъ. Съ того времени число учащихся возрастало непрерывно. По рапорту, представленному въ концѣ 1830 года Лорду Канцлеру, въ повседневныхъ школахъ считалось 952,849 учениковъ, да 341,151 въ школахъ воскресныхъ, коихъ число простиралось до 5,162. Сверхъ того въ Университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ, по разнымъ факультетамъ, считалось до 3,347 студентовъ.

Во Франціи, расходы народного просвѣщенія покрываются отчасти государственнымъ бюджетомъ, отчасти собственными доходами Университетскими, взимаемыми Академіей. Окладъ бюджетный простирается до 900,000 франк.

Департаменты, въ коихъ наиболѣе распространено просвѣщеніе, суть: Нижне-Рейнскій и

Верхне-Марнскій, гдѣ считается по одному школьнику на 8 жип.; Обскій, гдѣ приходится одинъ на 9; Дубскій, Уазскій, Коте-д'Орь, Арденскій, Мершскій, Мезскій, Верхне-Рейнскій, гдѣ одинъ на 10; Вожскій, гдѣ одинъ на 11; Соммскій и Верхне-Саонскій, одинъ на 13; наконецъ Нижне-Пиринейскій, Энскій, Па-де-Кале и Мовельскій, гдѣ одинъ на 15.

Департаменты, гдѣ образованіе разпротра-
нено менѣе, суть: Сенскій (въ окрестностяхъ
Парижа), гдѣ 1 на 48, Шерскій — 1 на 92,
Верхне-Вьенскій и Альерскій — 1 на 95, Канпаль-
скій — 1 на 98, Морбиганскій — 1 на 99, Верх-
не-Луарскій — 1 на 100, Финистерскій — 1 на
112, Пюи-де-Домскій — 1 на 120 и Коррезскій —
1 на 152.

Изъ сравненія народонаселенія Англіи, про-
спирающагося только до 14,000,000 жителей,
съ Франціей, открываея что сія послед-
няя далеко еще отстала отъ первой въ раз-
сужденіи просвѣщенія. Во Франціи на 32,000,000
жителей, считается до 3,142,376 дѣтей муже-
скаго пола отъ 6 до 16 лѣтъ; изъ нихъ хо-
дятъ въ школы только 1,315,239. Но различіе
сіе гораздо разительнѣе въ сравненіи съ Соеди-
ненными Штатами, кои далеко превзошли всѣ
Европейскія державы относительно распростра-
ненія просвѣщенія. Вотъ таблица, представля-
ющая отношеніе учащихъ къ цѣлому народона-
селенію въ различныхъ государствахъ:

Соединенные Штаты	1 на	4
Вадшландъ	1 —	6
Виртембергъ	1 —	6
Пруссія	1 —	7
Баварія	1 —	10
Англія	1 —	11
Австрія	1 —	13
Франція	1 —	20
Ирландія	1 —	21
Португаллія	1 —	88
Россія	1 —	367

Къ сожалѣнію, недоспапокъ цѣлоспи въ спашисписическихъ докуменпахъ, издаваемыхъ Соединенными Штатами, лишаешъ возможности предспавишь вполнѣ обзоръ народнаго просвѣщенія Сѣверной Америки. Но какъ, опноспительно области Нью-Йоркской, сія докуменпы особенно полны и любопысны, шо мы изложимъ ихъ здѣсь для примѣра.

Народонаселеніе Нью-Йоркской области, неоспоримо самой цѣвѣущей изъ всего Сѣверо-Американскаго Союза, простираешся до 2,000,000 жителей. Область сія для образованія своихъ дѣтей, коихъ счислаешся до 500,000, издерживаешъ болѣе 200,000 долларовъ (1,060,000 франк.), шогда какъ Франція на своихъ 3,000,000 дѣтей шрапишь только 900,000 франковъ. Ишакъ Франція ежегодно жершвуешъ только 30 саншимами на каждого изъ своихъ дѣтей, а Нью-Йоркская область болѣе 2 франковъ. Отсюда не удивишельно чрезмѣрное разлічіе количества учащихся въ обѣихъ спрапахъ. Во Франціи только шрешъ всѣхъ дѣтей

получаетъ образованіе; въ Нью-Йоркѣ напротивъ число школьниковъ почти всегда превышаетъ число дѣтей, состоящихъ на лицо въ области. Вотъ любопытная таблица за три прошедшіе года :

	число школъ.	число дѣтей.	число школьниковъ.
1830 . .	8,872 . .	468,257 . .	480,041
1831 . .	9,063 . .	497,503 . .	499,424
1832 . .	9,339 . .	509,967 . .	507,106

Эта, странная, по видимому, несоразмѣрность объясняется тѣмъ, что въ Соединенные Штаты ежегодно пріѣзжаетъ множество семействъ изъ Европы съ дѣтьми, кои почти всѣ безъ образованія, и родители отсылаютъ ихъ въ тамошнія школы.

(R. V.)

